

Архив забытых имён • книга 2

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ПОМНИТ ГОРОД

Виолетта Койвистойнен

Виолетта Койвистойнен

Человек, которого помнит город

<https://litres.ru/74231522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сотни жителей Невенска одновременно приходят к закрытой Северной ротонде с цветами в годовщину смерти Мирона Вельского. Каждый уверен, что знал его лично: братом, врачом, учителем, спасателем или человеком, разрушившим чужую жизнь. Но ни один реестр, семейный архив или цифровая база не подтверждает, что Мирон когда-либо существовал.

Фотограф-реставратор Анна Светлова видит на старом снимке невозможное: лицо мужчины меняется для каждого наблюдателя, а его имя распадается на сотни эмоциональных следов. Вскоре письма, ключи и фотографии начинают перестраивать прошлое, а люди теряют реальные части собственной биографии. Среди них – Никита, брат Анны.

Вместе с Глебом Севериным Анна выходит на старое дело Архива и сталкивается с выбором, для которого недостаточно отличить правду от лжи. Если город способен создать человека из памяти, можно ли лишить его жизни? И как вернуть людям

их прошлое, не уничтожив всё настоящее, что выросло вокруг чужого имени?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Лишний человек	11
Глава 2. Цветы для несуществующего	23
Глава 3. Условия близости	36
Глава 4. Брат, которого не было	53
Глава 5. Составной голос	65
Глава 6. Память с чужого голоса	77
Глава 7. Наложения	93
Глава 8. Подпись до должности	106
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Виолетта Койвистойнен

Человек, которого помнит город

Пролог

Дом свидетелей не горел. Позже в отчётах напишут именно так, хотя от окон тянуло жаром, на ступенях плавилась фотоплёнка, а люди в зале кричали, что видят огонь.

Мирон Вельский стоял у стены, прижав к груди деревянную кассету с 12 стеклянными пластинами. На каждой была одна и та же комната, снятая с разных углов. Только люди менялись местами. В первом негативе седой мужчина сидел у окна, во втором – лежал на полу, в третьем – никогда не входил в дом. Эмульсия оставалась целой. Ложь находилась не на стекле, а в тех, кто на него смотрел.

– Их надо вывести, – сказал Мирон.

У дверей женщина в сером форменном платье проверяла список. Она была моложе, чем станет на всех поздних фотографиях, и уже говорила голосом человека, привыкшего превращать страх в распоряжения.

– Они не помнят, где выход.

– Выход там же, где был час назад.

– Для половины зала за дверью река. Для остальных – больничный коридор. 7 человек уверены, что дверь ведёт в их квартиру.

Мирон поставил кассету на стол. Бумажные карточки рядом менялись прямо под ладонями сотрудников. В графе «родство» появлялись и исчезали слова: брат, муж, сосед, врач. Одно имя повторялось чаще других, но каждый раз относилось к другому человеку.

В центре зала стояла установка из 2 совмещённых рам. Её создавали для того, чтобы один свидетель мог временно удержать воспоминания другого, пока оригинальные документы находились под угрозой. Никто не рассчитывал, что память начнёт искать удобные связи сама.

Из-за перегородки донёсся детский голос:

– Дядя Мирон, вы обещали, что мама меня вспомнит.

Он закрыл глаза. Девочка называла его дядей 3 часа. До эксперимента они не встречались.

– Я обещал вывести тебя отсюда.

– Это не то же самое.

– Знаю.

Женщина в сером подошла ближе.

– Внешний контур перестал узнавать район. Если феномен выйдет за площадь, к утру у города будет несколько несовместимых биографий.

– Тогда отключите рамы.

– Уже пробовали.

Внутри установки кто-то сделал снимок. Вспышка была белой, хотя электричество в доме отключили 19 минут назад. На полу проявились мокрые следы босых ног. Они вели к Миرونу, но принадлежали людям разного возраста: маленькая пятка, мужской ботинок без подошвы, узкая женская ступня.

– Он собирается вокруг вас, – сказала женщина.

– Не вокруг меня. Через меня.

– Разницы больше нет.

Он понимал, что она права, и ненавидел её за это ровно настолько, чтобы ещё сохранять ясность. До начала опыта Мирон добровольно согласился стать временным носителем 18 свидетельств. Он подписал каждый лист. Согласился на 40 минут, медицинское наблюдение и обязательное возвращение памяти владельцам. Теперь в нём жили чужой страх воды, чья-то привычка считать ступени, любовь к женщине по имени Тася, которую он никогда не видел, и вина за аварию на мосту, случившуюся за 5 лет до его рождения.

К этим воспоминаниям присоединялись новые. Люди в зале узнавали в нём того, кого им не хватало. Память заполняла пустоту быстрее, чем Архив успевал ставить печати.

– Есть способ, – сказала женщина.

Мирон посмотрел на 2 рамки. Их тени на полу образовывали знак: круг, пересечённый параллельными линиями.

– Нет.

– Вы ещё не слышали.

– Я прочитал ваш расчёт на столе.

Она не спросила, как. Последние 15 минут он помнил всё, что видели находившиеся в доме люди. На вкус чужие мысли напоминали металлическую воду.

– Если разделить центральное имя между носителями, согласованная структура распадётся, – сказала она. – Каждый сохранит малую безопасную роль. Никто не получит полного доступа к событию.

– Вы хотите распределить свидетеля.

– Я хочу сохранить город.

– А свидетеля?

Женщина впервые отвела взгляд.

За стеной люди начали произносить его имя. Сначала по одному. Потом хором, но с разными ударениями. Мíрон. Мирóн. Михаил. Миша. Брат. Доктор. Учитель. Каждый голос тянул его в собственную версию.

Он открыл кассету и достал последний негатив. На снимке стояли сотрудники Архива, 18 добровольцев и он сам. Лицо Мирона имело нормальное зерно. У остальных по краям фигур проступал двойной контур.

– Если сделаете это, – сказал он, – вы спрячете меня и встроите ложь в людей. Она вырастет вместе с ними.

– Зато не убьёт их сегодня.

– Вы не знаете, что будет потом.

– Никто не знает.

Из коридора выбежал молодой техник. Он держал прояв-

ленный лист за края, не замечая, что вода с него капает на пол.

– В городе появились документы, – сказал он. – Адреса, счета, школьные дела. Они подтверждают сразу 9 версий.

Женщина взяла лист. На секунду её лицо стало старше на 20 лет, потом вернулось.

– Начинаем рассеивание.

Мирон схватил кассету.

– Я не согласен.

– На временное хранение вы согласились.

– На уничтожение – нет.

– Это не уничтожение.

– Тогда скажите, что останется.

Она промолчала. По залу прошла вспышка. Мирон увидел 813 лиц одновременно. Кто-то любил его, кто-то боялся, кто-то был благодарен за поступки, которых он не совершал. Среди них возникло лицо женщины, ещё не родившейся. Длинные тёмные волосы, след проявителя на пальцах, внимательный взгляд человека, привыкшего проверять края кадра.

Мирон не знал её имени. Знал только, что однажды она откроет то, что сейчас закрывали.

Он успел перевернуть негатив и нацарапать на эмульсии 4 слова:

«Память не заменяет согласия».

Рамы сомкнулись.

В ту же секунду 813 человек в разных частях Невенска проснулись с уверенностью, что когда-то знали мужчину, которого нельзя было помнить одинаково. Дом исчез с карты. Улица получила другое название. В журнале Архива слово «рассеивание» заменили словом «эвакуация».

А на стеклянной пластине лицо Мирона распалось на сотни несовпадающих зёрен, каждое из которых ждало человека, способного снова сложить изображение.

Глава 1. Лишний человек

В мае старые фотографии пахли иначе, чем зимой. Анна замечала это каждый год и никогда не могла объяснить клиентам без лишней поэзии. Бумага не становилась моложе, просто влажный воздух Невенска вытягивал из коробок запах картона, пыли и домашнего шкафа. Зимой альбомы приносили холодными. Весной они словно успевали пожить по дороге.

На столе лежал обычный семейный архив: 64 отпечатка, 2 конверта с негативами, открытка из Сочи и фотография кота, которую заказчица просила восстановить прежде портретов родственников.

– Кот прожил 19 лет, – объяснила женщина. – А дядя Боря 53. У дяди Бори было больше времени сфотографироваться.

Анна не спорила с иерархией. Она закрепила отпечаток под камерой, выставила боковой свет и показала клиентке царапину на эмульсии.

– Уберу белую полосу, верну контраст, но шерсть на левом ухе придётся реконструировать по соседним участкам. Точно узнать рисунок нельзя.

– Делайте красиво.

– Красиво и достоверно – не всегда одно и то же.

– Тогда достоверно. Он и при жизни был не очень красивый.

Женщина ушла довольной. Анна закрыла дверь «Светотени», повернула табличку и вернулась к сканеру. До встречи с Глебом оставалось 40 минут. Они договорились поужинать в месте без архивных фондов, но последние 3 попытки заканчивались либо в Архиве, либо возле человека, чья фотография менялась. Сегодня Анна выбрала маленькое кафе на Трамвайной линии и предупредила Софью, что с 19:00 не отвечает на служебные звонки.

Софья ответила: «Это не служебные звонки. Ты не сотрудник».

Через минуту прислала второе сообщение: «Но если увидишь невозможный негатив, звони».

Анна увеличила снимок кота. На экране проступили трещины, отпечатки пальцев и тонкий волос под стеклом. Всё было обычным. Это радовало сильнее, чем следовало.

После осени способность изменилась. Раньше повреждённое имя отзывалось болью под глазом и металлическим привкусом. Теперь оригиналы чаще молчали. Иногда Анна замечала лёгкое несовпадение света или чувствовала, что часть изображения принадлежит другому времени, но автоматического узнавания больше не было. Она училась снова быть фотографом без внутренней сирены.

В 18:32 позвонила клиентка.

– Я забыла ещё 1 фотографию. Можно сейчас занести?

– До 19:00.

Через 8 минут женщина вернулась с картонной рамкой.

Снимок был любительский, начала 1990-х: двор, стол под яблоней, 6 взрослых, 3 ребёнка. По краям выцвела пурпурная маска, в тенях провалились детали.

– Нашла под подкладкой коробки, – сказала клиентка. – Не понимаю, почему не вклеена.

Анна сняла стекло. На обороте стояла дата – 18 июня 1994 года – и 7 подписей. Людей на снимке было 10.

– Кто здесь? – спросила она.

Женщина назвала мать, отца, соседей, себя и двоюродных братьев. На восьмом человеке остановилась.

– Это Мирон.

Имя прозвучало спокойно, как если бы речь шла о родственнике, которого Анна должна была знать.

– Фамилия?

– Вельский. Хотя... – Женщина нахмурилась. – Нет, Ветров. Мы звали его Мишей.

На снимке рядом с яблоней стоял мужчина лет 30. Анна могла бы поклясться, что секунду назад там был только ствол. Фигура не выглядела полупрозрачной. Свет падал правильно, тень ложилась на скатерть, рука касалась спинки стула.

– Кем он вам приходился?

– Соседом. Нет. Братом маминой подруги. Он однажды вытащил меня из реки.

– Вы тонули?

– Конечно.

Женщина произнесла это с раздражением, но на лице появилась растерянность. Она потёрла запястье, будто там сохранился след чужой руки.

– Я не умею плавать, – добавила она. – Но к реке мы тогда не ездили.

Анна положила фотографию на чёрный фон. При боковом свете зерно на лице мужчины было крупнее, чем на остальном отпечатке. Не размытость, не вставка и не цифровая ретушь: в 1994 году этот бумажный снимок проявляли целиком. Однако вокруг его плеча тянулся двойной контур, как при несовпадении 2 негативов.

– Оставьте её отдельно, – сказала Анна. – Не кладите рядом с другими фотографиями.

– Почему?

– Возможно, эмульсия повреждена.

Это была профессиональная полуправда. Женщина знала достаточно после осени, чтобы услышать другое.

– Он тоже исчезает?

– Я пока не знаю.

– Но вы ведь видите.

Анна посмотрела на фигуру. Под глазом не болело. Вместо боли возникло ощущение, будто кто-то назвал её из соседней комнаты. Не голосом – памятью о голосе.

Мужчина на фотографии повернул голову.

Клиентка отступила и задела стул.

– Он так смотрел, когда сердился.

– На исходном снимке он смотрел в камеру?

– Не помню.

Анна быстро накрыла отпечаток листом нейтральной бумаги. Под бумагой что-то тихо царапнуло стекло стола.

Она позвонила Глебу.

– Ужин отменяется? – спросил он вместо приветствия.

– Переносится в студию.

– Это хуже, чем отменяется.

– Принеси архивный контейнер и не заходи с готовой версией.

– Я никогда не захожу с готовой версией.

– У тебя даже пауза перед этой фразой готовая.

Он приехал через 17 минут. В руке держал серый контейнер, в другой – бумажный пакет из кафе.

– Я решил не отдавать делу наш ужин полностью.

Клиентка сидела у окна и пыталась найти в телефоне фотографию реки. Галерея показывала отпуск в горах, школьный выпускной, свадьбу дочери. На 4 снимках появился тот же мужчина. В каждом возрасте он выглядел немного иначе.

Глеб не прикоснулся к телефону.

– Имя?

– Мирон Вельский, – сказала женщина.

– Михаил Ветров, – одновременно произнесла Анна.

Клиентка посмотрела на них.

– Это 2 разных человека.

Под нейтральной бумагой снова раздался царапающий

звук. Анна подняла лист. На обороте фотографии проступала надпись, которой прежде не было:

«Спасибо, что не дала мне утонуть».

Почерк принадлежал клиентке.

Она прижала руки к груди.

– Это я должна была написать ему.

– Вы уверены? – спросил Глеб.

– Нет. Но я помню, как он захлёбывался. Я держала его за волосы. Мне было 9 лет.

На фотографии мужчина стал младше. Теперь рядом с яблоней стоял подросток.

Анна увидела двойной контур по всему снимку. Не одна фигура накладывалась на чужую сцену. Менялась сама связь между людьми.

Глеб закрыл контейнер.

– В Архиве с утра 26 обращений с именем Михаила Ветрова.

– Почему ты не сказал?

– Потому что мы договорились не превращать каждый новый объект в твою обязанность.

– А сейчас?

– Сейчас объект пришёл к тебе сам.

За окном трамвай остановился посреди улицы. Пассажиры вышли и одновременно посмотрели в сторону Северной ротонды, хотя отсюда её не было видно.

До этого Анна успела сделать 3 тестовых скана. Первый

был обычным: мужчина у края кадра, лицо чуть смазано из-за движения. На втором резкость стала выше, хотя настройки не менялись. На третьем фигура сдвинулась на полшага к центру, заняв место женщины в светлом платье.

Анна проверила держатель, сравнила метаданные и открыла исходный файл в другой программе. Сканер не сохранял промежуточные изменения в физическом оригинале. Здесь менялся сам отпечаток.

После случая с фотографией Анна не закрыла студию. Это было первым решением, которое она приняла без совета Архива.

В 11 часов пришла постоянная клиентка Александра Ильинична – забрать восстановленный портрет родителей. Она знала о прошлогоднем «сбое памяти» только из городских слухов и считала, что Анна тогда заболела. Раньше Анна позволила бы этой версии остаться из удобства. Теперь сказала:

– Со мной действительно произошло нечто, о чём я не могу рассказать полностью. Но работа проверена. Вот исходный скан, журнал вмешательств и контрольная печать.

Александра Ильинична посмотрела не на документы, а на неё.

– Ты поэтому теперь просишь подписывать 3 бумаги ради 1 фотографии?

– 2 бумаги. Третья – памятка, её подписывать не надо.

– Стало быть, выздоровела.

Она забрала портрет и вдруг спросила, не появился ли на нём «лишний родственник». Вопрос был произнесён шутливо, но пальцы женщины прижали конверт к груди.

Анна открыла снимок ещё раз. На нём стояли только 2 человека. У каждого – собственное зерно, непрерывная тень, понятный след ретуши. Нормальная фотография оказалась редким облегчением.

После ухода клиентки Анна занесла проверку в журнал. В нём появились новые графы: согласие владельца, исходный носитель, известные якоря, наблюдаемые изменения и то, чего специалист не имеет права делать без отдельного разрешения. Глеб однажды назвал форму «биографией недоверия». Анна ответила, что доверие, которое нельзя отозвать, слишком похоже на приказ.

На подоконнике лежала его перчатка. Он забыл её вечером, когда помогал менять лампу в сканере, и не стал возвращаться среди ночи. Полгода назад Анна увидела бы в вещи доказательство близости или вторжения. Сейчас перчатка означала только то, что Глеб иногда оставался после закрытия, спорил с инструкцией, пил слишком крепкий чай и уходил, когда она хотела побыть одна.

Она написала ему: «Перчатка у меня. Не заложник».

Ответ пришёл через минуту: «Вторая у меня. Обмен равноценный».

Анна улыбнулась и вернулась к отпечатку с Мироном. Обычная жизнь не закончилась. Просто теперь в ней при-

ходилось отдельно доказывать, что обычное действительно осталось обычным.

– Кто эта женщина? – спросила она, показывая клиентке светлое платье.

– Тётя Нина. Она умерла 4 года назад.

– Мужчина рядом с ней?

Клиентка нахмурилась.

– Какой мужчина?

Анна повернула монитор. Женщина увидела фигуру и сразу изменилась: плечи опустились, губы задрожали.

– Мирон. Конечно. Как я могла не...

Она не закончила. Достала телефон и начала листать контакты. Имени там не было. Зато в галерее появилось 6 снимков мужчины: у подъезда, на кухне, рядом с котом. На каждом лицо отличалось, но клиентка называла одно имя.

– Кем он вам приходился?

– Соседом. Нет, двоюродным братом мужа. Он помог после смерти Нины. Или до? – Женщина прижала телефон к груди. – Я точно знала минуту назад.

Анна попросила не удалять и не пересылать фотографии. Сделала бумажную запись времени и состояния оригинала. В прошлой истории цифровые копии теряли след быстрее. Сейчас происходило обратное: копии множились, хотя оригинал оставался 1.

Она достала лупу. У фигуры не было нормального зерна. Лицо складывалось из мелких пятен соседних деталей – тени

воротника, блика на окне, царапины эмульсии. Чем дольше Анна смотрела, тем убедительнее становились глаза.

Под глазом возникло знакомое давление, но не боль. Скорее ощущение, что кто-то пытается поставить в её памяти предмет на свободную полку.

– Вы его знали? – спросила клиентка.

– Нет.

Ответ прозвучал уверенно. Через секунду Анна вспомнила, как мужчина однажды держал дверь «Светотени», пока она заносила коробки. Воспоминание имело правильный свет, вес коробки и раздражение из-за дождя. Только студию она открывала с Артёмом и Никитой. Никакого мужчины у двери не было.

Анна записала чужую сцену дословно, прежде чем та успела стать привычной.

Глеб приехал через 15 минут. Не ворвался и не потребовал немедленно изъять оригинал. Сначала прочитал согласие клиентки на проверку, затем спросил, можно ли сфотографировать отпечаток рядом с часами и контрольной шкалой.

– Вы правда не знаете Мирона? – спросила женщина.

– Не знаю человека с подтверждённой биографией, – ответил он.

– Это не то же самое.

– Да.

Анна заметила, что Глеб избегает смотреть на лицо долъ-

ше нескольких секунд. Его пальцы дважды коснулись кармана, где лежала рамка ограничения.

– Что видишь? – спросила она.

– Одноклассника. Михаила Ветрова. Только старше.

– Я вижу архивиста с фотографии, найденной осенью.

– Значит, изображение подстраивается под уже существующий след.

– Или использует его как первую форму.

Они проверили другие снимки из коробки. Мужчина присутствовал на 9. На 3 занимал место реального родственника, которого клиентка помнила всё слабее. На 1 стоял в зеркале, хотя в комнате его не было. На обороте 2 отпечатков проступила одинаковая дата – 17 мая.

Глеб составил временную карточку дела. В строке «объект» написал не имя, а «повторяющаяся фигура». Анна одобрила осторожность. Имя уже слишком быстро превращалось в доказательство.

Когда клиентка подписывала разрешение оставить 1 снимок на ночь, её почерк изменился в середине фамилии. Последние буквы были написаны мужской рукой. Она этого не заметила.

Анна закрыла отпечаток нейтральной бумагой. Даже скрытое изображение ощущалось присутствием – как человек в соседней комнате, который ещё не постучал.

Клиентка поднялась.

– Сегодня его годовщина.

– Чья? – спросила Анна.

– Мирона. Михаила. – Женщина заплакала, не замечая слёз. – Я каждый год приношу ему белые гвоздики.

На календаре стояло 17 мая.

Анна знала эту дату. На коробке, найденной осенью, было написано: «Следующее белое лето».

Она выключила сканер, взяла фотографию и сказала Глебу:

– Поедем к ротонде.

Глава 2. Цветы для несуществующего

К Северной ротонде вели 3 улицы и 1 лестница от канала. В тот вечер все подходы были забиты людьми.

Анна ожидала увидеть толпу. Не ожидала тишины.

Сотни жителей стояли вокруг закрытого павильона с букетами, фотографиями, конвертами и вещами, которые обычно приносят на могилу. Кто-то держал детский деревянный самолёт. Пожилой мужчина – медицинский халат на вешалке. Девушка прижимала к груди потрёпанный учебник физики. У ступеней лежали белые гвоздики, тюльпаны, ветки сирени и 1 букет пластиковых роз с выцветшей лентой «Лучшему брату».

Ротонду закрыли 11 лет назад после просадки фундамента. Анна помнила объявление на ограде. Сейчас на чугунной двери висела новая бронзовая табличка:

«Павильон памяти Мирона Вельского. 1979–2014».

Глеб сфотографировал табличку служебной камерой.

– 5 минут назад её не было на городских панорамах, – сказал он.

– Сейчас будет.

– Уже есть.

На экране архивного телефона панорама обновилась. Таб-

личка присутствовала на снимках 2016, 2019 и 2023 годов. На самом старом была чище, на последнем покрыта зелёными потёками. Изменение не добавило новый файл – переписало прежние.

– Сколько людей? – спросила Анна.

– По камерам 436. По списку заявителей – 417.

– Остальные?

– Случайные прохожие или ещё не учтённые носители.

У ограды спорили 2 женщины. Одна утверждала, что Мирон преподавал ей литературу. Другая – что он был хирургом и не мог работать в школе. Обе плакали одинаково искренне.

– Он оперировал моего мужа, – сказала вторая. – В 2008 году.

– В 2008-м ему было 17, – ответила первая.

– Ему было 42.

– Вы лжёте.

– Я держала его за руку, когда он умер.

– Я тоже.

Их окружили люди, каждый со своей датой смерти. 1997, 2004, 2014, прошлый ноябрь. Один мужчина заявил, что Мирон живёт в Архангельске и недавно прислал открытку. Девочка лет 12 сказала, что он погиб до её рождения, но всегда приходил на школьные концерты.

Сотрудники Архива работали в обычной одежде, изображая волонтеров городского центра памяти. После реформы Зорина запретила изымать вещи без согласия. Это замедля-

ло сбор, зато люди не прятались при виде серых контейнеров.

Софья стояла у складного стола и заполняла 3 формы одновременно.

– Вы опоздали, – сказала она Анне.

– Я не дежурю.

– Тогда вы прибыли драматически вовремя. Это хуже.

Она подвинула папку. На обложке стояло: «Дело 417-МВ. Коллективный объект». Ниже кто-то ручкой дописал: «или МВ-813».

– Почему 813?

– Число появляется в 9 независимых письмах. Половина заявителей уверена, что знала Михаила Ветрова. Остальные называют Мирона Вельского. 31 человек использует оба имени и считает, что 1 из них псевдоним.

– Фотография из школы?

– Меняется. Теперь он есть на 47 копиях и отсутствует на 12. Каждый видит лицо немного иначе.

У ротонды зазвонил старый городской громкоговоритель. Он не работал много лет. Из динамика пошёл белый шум, затем мужской голос произнёс:

– Не заходите внутрь.

Толпа качнулась к двери.

– Он предупреждает нас, – сказала женщина с пластиковыми розами.

– Это запись, – возразил кто-то.

– Нет, он всегда говорил так, когда боялся.

Анна слышала 2 голоса одновременно. Низкий, хриплый и более молодой, чистый. Слова совпадали, дыхание – нет.

Никита позвонил прежде, чем она успела набрать его.

– Ты у ротонды?

– Откуда знаешь?

– Мне прислали запись. На ней один голос, но там минимум 5 гортаней. Не спрашивай, как это звучит. Лучше пришли исходник.

– Мы ещё не знаем, откуда трансляция.

– Тогда найди. И не слушай через шумоподавление – оно склеит то, что нам нужно развести.

Он говорил из Казани. На фоне слышались хлопки двери и чей-то женский смех. Никита вернулся к работе, но продолжал вести аудиодневники. По вторникам отправлял Анне файл «Я всё ещё я», где фиксировал 3 вещи, которые помнил сам, и 1, которую знал только со слов других.

– Ты помнишь Мирона? – спросила она.

Пауза длилась слишком долго.

– Нет.

– Уверен?

– Пока ты не спросила, был уверен. Сейчас у меня в голове мост и чья-то рука на воротнике. Это не картинка, скорее... привычка благодарить.

– Не пытайся достроить.

– Анна.

– Что?

– Не управляй моей памятью из страха. Запись я пришлю сам.

Она сжала телефон.

– Хорошо.

Глеб слышал разговор, но не вмешался. Это было одним из новых правил между ними: не переводить любой спор с Никитой в доказательство Анниной ошибки.

У дверей ротонды появилась молодая женщина в светлом плаще. Она пробиравлась через толпу, неся большую папку и детский рюкзак с нашивкой «В. Ланская». Лицо было бледным от бессонницы, движения – точными.

– Кто здесь Анна Светлова? – спросила она.

Софья подняла взгляд.

– Зачем вам?

– Потому что она возвращает людей, которых Архив решил не замечать.

Толпа сразу стала внимательнее.

Анна вышла из-за стола.

– Я Анна.

Женщина поставила папку на ограду и открыла. Внутри лежали письма, школьные тетради, фотографии, медицинская справка и свидетельство о рождении. Все документы выглядели старыми. На каждом встречалось имя Мирона Вельского.

– Я Вера Ланская, – сказала она. – Мирон мой брат. Вы

его уже 2-й раз стираете.

– Мы никого не стираем, – ответила Софья.

– Тогда почему до этой недели я была единственным ребёнком во всех реестрах?

Она достала семейный снимок. На нём Вера лет 7 стояла между родителями. Справа от девочки была тень взрослого человека, но тела не было. Пока Анна смотрела, на белой стене начал проступать рукав.

– Это снято за 3 дня до его исчезновения, – сказала Вера.

– В каком году?

– В 2009-м. Мне было 11, ему 19.

– По табличке он родился в 1979 году.

– Табличка врёт.

За спиной Анны громкоговоритель снова ожил.

На этот раз голос произнёс её имя.

– Анна Светлова. Не отдавай им фотографию.

Вера резко прижала снимок к груди.

Люди вокруг повернулись к Анне. В их взглядах было ожидание, которого она не заслуживала и боялась больше открытой враждебности.

Анна и Глеб прошли вдоль очереди, фиксируя рассказы и особенно несовпадения. Первый мужчина помнил Мирона учителем физики и принёс старую тетрадь с замечаниями. Чернила соответствовали 1992 году, но формулы были написаны рукой самого мужчины. Женщина в красном плаще уверяла, что Мирон лечил её сына. Сын стоял рядом и

помнил другого врача, однако на его медицинской карте уже проступала фамилия Вельского.

У каждого цветы означали разное. Белые гвоздики – годовщина смерти. Жёлтые тюльпаны – день рождения. Ветви сирени – примирение после ссоры. Никакой общей даты не существовало, но люди пришли в 1 вечер, будто получили приглашение, которого не могли показать.

– Кто сообщил о поминании? – спрашивал Глеб.

– Никто. Я всегда прихожу.

– Когда были в прошлом году?

Люди называли разные дни и погоду. 1 женщина помнила снег. В мае в Невенске снега не было. Другая уверяла, что ротонда тогда находилась на противоположной стороне канала.

Анна фотографировала цветы с разрешения владельцев. На экране рядом с каждым букетом появлялась карточка с именем, хотя она не включала распознавание текста. «От сестры», «от пациента», «от той, которую ты не выбрал». Последняя надпись исчезла до сохранения файла.

В толпе работала молодая женщина с диктофоном. Она задавала точные вопросы, не подсказывала ответы и просила свидетелей сначала описать лицо, а потом посмотреть на фотографии. Анна узнала Веру Ланскую по подписи на городском расследовательском проекте.

– Вы из Архива? – спросила Вера, заметив Глеба.

– Консультант городского архива.

– Удобная должность для человека с рамкой под пальто. Глеб не стал отрицать.

– А вы кем приходились Мирону? – спросила Анна. Вера ответила не сразу.

– Была его младшей сестрой.

К ротонде приехала городская полиция, но через 12 минут сотрудники перестали понимать, кого должны охранять. В их планшетах появилось разрешение на ежегодное поминовение Мирона Вельского, подписанное заместителем главы района. Заместитель по телефону уверял, что документ поддельный. На бумажной копии его подпись была настоящей.

Глеб попросил полицейских не разгонять людей и не подтверждать законность мероприятия. Он выдал им короткую формулировку: «Фиксировать непосредственный вред, не спорить о биографии». Старший наряда прочёл 2 раза.

– А если они перекрыют улицу ради человека, которого нет?

– Улица перекрыта независимо от причины. Работайте с улицей.

Практичность помогла лучше объяснений магии.

Анна заметила у ступеней 3 одинаковых букета. Их держали люди, которые не знали друг друга: студентка, водитель трамвая и пожилая женщина в больничном халате. В каждом букете – 7 белых гвоздик, ветка рябины и чёрная лента без надписи. Они утверждали, что Мирон любил именно такие

цветы. В мае рябина ещё не плодоносила.

– Где вы взяли ветку? – спросила Анна.

Студентка указала на киоск. Киоскёр отрицал, что продавал рябину. В кассовой ленте числилось 3 букета «М. В.», а на прилавке лежали красные тюльпаны.

Анна сняла каждый букет отдельно. На фотографиях ягоды исчезли, оставив тёмные круглые пятна, похожие на дефект проявки. На общем кадре ветки снова были целыми.

– Общая сцена удерживает невозможное лучше отдельных предметов, – сказала она.

– Потому что люди согласованы, – ответил Глеб.

Они попросили владельцев букетов разойтись на 20 метров и по отдельности описать Мирона. Студентка помнила его преподавателем архитектуры. Водитель – пассажиром, которого не успел спасти во время аварии. Женщина – врачом. Возраст, рост и голос различались. Совпадали имя и жест: Мирон 2 раза проводил пальцем по краю фотографии, прежде чем вернуть её.

Такой жест Анна видела у архивиста на осеннем снимке.

Вера появилась позже, но уже тогда Анна поняла, что толпа пришла не по 1 воспоминанию. Кто-то собрал сотни несовместимых ролей вокруг общего имени и даты. Чем сильнее люди пытались договориться, тем плотнее становилась бронзовая табличка на ротонде.

Никита попросил их на минуту не произносить имя. Через громкоговоритель передали нейтральную просьбу:

вспомнить человека молча и записать 1 деталь до разговора с соседями. Шум не исчез, зато лица на фотографиях перестали меняться так быстро.

У пожилой женщины на листе было написано: «Он боялся закрытых дверей». У студентки: «Он всегда закрывал дверь 2 раза». У водителя: «Он не садился, пока дверь не закроется».

Противоречие оказалось устойчивее общего имени. Анна сложила листы в отдельные конверты: общая версия не должна была стереть несовпадения, пока они не поймут, что именно искало роли в чужих эмоциональных пустотах.

Перед уходом женщина в халате отдала Анне жетон гардероба с номером 813.

– Он просил вернуть, когда соберутся все, – сказала она.

– Кто «все»?

Женщина посмотрела на толпу и впервые испугалась.

– Не знаю. Я думала, вы знаете.

– В документах?

– В жизни.

Она показала детскую фотографию. Девочка лет 8 сидела на подоконнике, рядом стоял подросток. Лицо подростка выглядело пустым при прямом взгляде и знакомым боковым. На обороте – «Вера и Миша, 2006». Бумага и печать соответствовали времени. Вера родилась единственным ребёнком.

– Я проверила архив ЗАГС, школу, поликлинику, военко-

мат, старые телефонные базы, – сказала она. – Ничего. Но это не значит, что его не было. Вы уже знаете, как исчезают документы.

– Знаем, – ответила Анна. – Поэтому не делаем вывод только по отсутствию.

– Тогда признайте дело об исчезнувшем человеке.

– Пока мы видим обратный процесс. Следов становится больше.

Вера сжала диктофон.

– Для меня он исчез 16 лет назад. Не называйте это «следом».

Анна не спорила с формулировкой боли. Попросила разрешение проверить снимок позже и получила отказ.

– Сначала объясните, что будете делать.

Это требование понравилось Анне.

Они договорились, что фотография останется у Веры, а Анна проведёт осмотр в её присутствии без обработки. Вера записала условия собственным голосом и попросила Глеба повторить, что Архив не изымет оригинал без отдельного согласия.

В этот момент трамвай у площади остановился между остановками. Все пассажиры одновременно повернули головы к ротонде. Половина вышла, держа цветы, которых секунду назад не было.

Никита позвонил Анне из Казани – его поезд ещё не вернулся.

– Ты сейчас у ротонды? – спросил он.

– Да.

– В прямом эфире городского радио мужчина назвал её «павильоном Мирона». Потом запись исправилась. Я сохранил аналоговый кусок с приёмника.

– Голос узнаёшь?

– Нет. И одновременно уверен, что слышал его в детстве.

Анна посмотрела на людей. Феномен уже работал через изображение, бумагу и звук.

У ступеней пожилой мужчина упал. Он не потерял сознание – забыл, зачем пришёл, и испугался цветов в собственных руках. Через минуту вспомнил Мирона отцом и перестал узнавать настоящего сына, который поддерживал его под локоть.

Анна помогла отвести их в сторону. Не пыталась убеждать. Попросила сына рассказать 1 конкретную совместную сцену без Мирона: ремонт лодки, запах краски, порез на ладони. Отец узнал шрам и на секунду вернул лицо сына.

– Связь вытесняет существующую, – сказала Анна Глебу.

– Значит, риск уже прямой.

– И люди не виноваты, что пришли.

– Я не говорил обратного.

Он вызвал мобильную группу помощи, но отдельно приказал не использовать рамки без согласия. До осеннего кризиса такое ограничение осталось бы невысказанным. Теперь Глеб произнёс его вслух.

Двери ротонды дрогнули. За матовым стеклом появился мужской силуэт.

Кто-то в толпе сказал: «Учитель».

Другой: «Папа».

Вера прошептала:

– Мирон.

Анна увидела, что силуэт поднимает руку к стеклу. На его ладони был знак из круга и 2 линий.

Потом павильон погас, и бронзовая табличка исчезла. На двери остались только 4 ржавых отверстия, будто её никогда не было.

Цветы на ступенях не исчезли.

Глава 3. Условия близости

К 2 часам ночи Архив собрал 417 заявлений, 63 фотографии, 28 писем и 9 предметов, принадлежавших человеку без подтверждённой биографии. Ничего не изъяли насильно. Это было достижение реформы и кошмар для Софьи, которой пришлось выдавать расписки на каждый детский рисунок.

Анна вернулась в «Светотень» вместе с Глебом. Вера отказалась ехать в Архив, но согласилась оставить 1 письмо на исследование при условии, что оно будет находиться в студии. Она сидела у стены и следила за серым контейнером так, словно внутри находился живой орган.

– Письмо датировано 12 августа 2006 года, – сказала Анна. – Бумага и чернила можно проверить, но это не докажет, когда появился текст.

– Он всегда был, – ответила Вера.

– А вы всегда помнили брата?

– Да.

Слишком быстрый ответ.

– Какой у него был голос?

Вера открыла рот и замолчала.

– Низкий.

– Темп речи?

– Обычный.

– Он картавил, глотал окончания, говорил тихо?

– Я не обязана сдавать экзамен на любовь.

– Не обязаны. Я пытаюсь понять, где память точная, а где мозг заполняет пробел.

– Вы говорите так, будто у вас самой никогда ничего не отнимали.

Глеб поставил на подоконник 3 чашки. Четвёртую оставил в пакете.

– Поэтому она и спрашивает, – сказал он.

Вера посмотрела на него.

– А вы тот человек, который отнял?

Тишина стала слишком конкретной. Глеб не отвёл взгляд.

– Да. По её просьбе и с нарушением её условий.

Анна почувствовала привычное напряжение, но оно не перешло в прежнюю злость. Глеб больше не позволял себе безопасные формулировки.

– И вы всё ещё работаете в Архиве.

– Работаю.

– Значит, система умеет прощать своих.

– Система ничего не прощает. Иногда она просто не умеет заменить человека.

– Удобно.

– Очень.

Вера взяла чашку, хотя не поблагодарила.

Они договорились встретиться утром. Вера забрала оригинал письма, оставив макрофотографическую копию в мас-

штабе 1:1 и микроскопический образец волокна с повреждённого края. У двери она остановилась.

– Если вы решите, что Мирон опасен, вы сначала поговорите со мной?

Анна ответила:

– Если решение будет зависеть от меня – да.

– А если не от вас?

– Тогда постараюсь сделать так, чтобы зависело не от одного Архива.

После её ухода Глеб запер дверь. В студии стало слышно вентиляцию тёмной комнаты и редкие машины во дворе.

– Ты не обязан был рассказывать ей про нас, – сказала Анна.

– Она спросила прямо.

– Можно было сказать короче.

– Можно. Но тогда я бы снова выбрал объём правды за тебя.

Он говорил спокойно, однако пальцы слишком аккуратно складывали бумажный пакет. Анна узнала этот жест не из возвращённой памяти, а из последних месяцев. Глеб становился педантичнее, когда боялся.

– Ты думал, она убедит меня не доверять тебе?

– Я думал, у неё есть основания.

– Это не ответ.

– Да.

Анна села на край стола. Они начали встречаться 6 меся-

цев назад, но слово «встречаться» всё ещё звучало как временная пометка. У Глеба оставалась квартира возле Архива, у неё – своя. Он не приходил без сообщения. Она не использовала ключ, который он дал на случай опасности. Они ужинали, иногда оставались друг у друга, спорили о работе и не называли ни один привычный жест доказательством судьбы.

Это было медленнее прежней любви, которую Анна помнила обрывками. И честнее.

– Мы договаривались сегодня не говорить о делах, – сказал Глеб.

– Дело пришло ко мне в коробке с котом.

– Кот хотя бы восстановим?

– Вероятно.

Он достал из пакета холодные пирожки.

– Тогда ужин частично спасён.

Они ели у окна. Анна рассказала о клиентке, о реке, которой не было, и надписи её почерком. Глеб слушал, не записывая. Раньше это раздражало: он запоминал слишком точно. Теперь она знала, что после октябрьского кризиса он потерял часть эмоциональных связей и сохранил факты. Иногда детали возвращались без чувства, иногда чувство – без сцены.

– Ты помнишь Михаила из октябрьского дела? – спросила она.

– Помню карточку, 417 свидетелей, школьную фотографию и зимнюю улицу в отражении. Не помню, что почув-

ствовал.

– Я помню тревогу. И что назвала его Михаилом, пока он сам не выберет имя.

– Возможно, выбор уже начался.

– Или мы дали феномену удобную оболочку.

– Ты жалеешь?

Анна подумала.

– Нет. Но хочу знать цену.

Глеб коснулся края фотографии, не самого изображения.

– Орлова запросила доступ к делу.

– Кто?

– Елизавета Орлова. Бывший руководитель Управления контурной безопасности. После реформы её вывели из совета, но старые полномочия не отменили полностью.

– Почему я о ней не слышала?

– Потому что её отдел занимался случаями, которые Архив признавал закрытыми.

– Красивое слово.

– Нет. Просто короткое.

– Она связана с этим человеком?

– Не знаю.

Анна посмотрела на него.

– Правда?

– Правда. Я проверил собственную реакцию на имя. Ничего.

– Ты теперь проверяешь реакции?

– После тебя трудно считать отсутствие памяти доказательством отсутствия события.

Он сказал это без упрёка. Анна всё равно почувствовала, как между ними возникает старый страх – не тайна, а возможность тайны.

– Давай установим правила для этого дела, – сказала она.

– Я слушаю.

– Если узнаешь что-то о моих воспоминаниях, говоришь сразу. Даже если это опасно. Если считаешь Мирона угрозой, не называешь его вещью или конструкцией, пока мы не уверены, что он не личность. Если Архив готовит процедуру, я узнаю до запуска.

– Согласен. Моё условие: ты не работаешь с наложениями одна. После первого признака смешения чужой биографии останавливаешься. И не обещаешь Вере возвращение брата.

– Я не обещала.

– Ты позволила ей надеяться, что решение будет зависеть от тебя.

– Оно должно зависеть от людей, которых касается.

– Это не то же самое, что иметь возможность дать им желаемое.

– Я знаю.

– Хорошо.

– И ещё, – сказала Анна. – Мы не переносим спор о деле в отношения молчанием.

– Объясни.

– Если ты злишься, говоришь, что злишься. Не становишься вежливее на 30% и холоднее на 70%.

– У тебя есть измеритель?

– Я фотограф. Я работаю с экспозицией.

Он улыбнулся открыто, без привычной полуулыбки, и Анна почувствовала узнавание. Не телесную команду из прошлого, а сегодняшнее тепло.

– Моё встречное условие, – сказал Глеб. – Если ты боишься, не превращаешь страх в приказ всем вокруг.

– Это про Никиту?

– В том числе.

– Нечестно включать брата в романтический договор.

– Это договор о том, как мы обращаемся с людьми.

Анна хотела возразить, но услышала правду.

– Ладно.

Он подошёл ближе.

– Можно тебя обнять?

Вопрос всё ещё иногда причинял ей странную печаль. Раньше он знал ответ заранее. Теперь спрашивал.

– Можно.

На первом совещании Анна отказалась садиться на место, которое ей приготовили рядом с руководителем группы. Выбрала стул у двери и поставила на стол собственный диктофон.

– Это демонстрация? – спросила Орлова.

– Условие сотрудничества.

– Вы записываете сотрудников без согласия?

– В начале встречи сообщила. Кто не согласен, может выйти или потребовать письменный протокол вместо аудио.

2 человека вышли. Софья отметила это без оценки.

После октябрьских событий Архив создал форму добровольного участия, но старые сотрудники заполняли её как разрешение «на необходимые действия». Анна перечеркнула фразу и вписала: «на действия, перечисленные отдельно». Глеб молча заменил все экземпляры.

– Ты мог предупредить, что форма прежняя, – сказала она после совещания.

– Увидел одновременно с тобой.

– И всё равно первым потянулся забрать лист.

– Да. Хотел исправить до того, как ты заметишь.

Он произнёс это без защиты. Анна почувствовала раздражение и странное облегчение: честность не всегда звучала красиво.

Они вышли во двор Архива. В углу ещё стоял контейнер с вещами Маркелова, опечатанный до завершения проверки. Глеб держался от него дальше, чем требовала инструкция.

– Какое у тебя положение теперь? – спросила Анна.

– Старший специалист без права единолично санкционировать вмешательство. Решения по твоей способности принимают 3 человека, включая тебя.

– А по другим людям?

– Минимум 1 представитель затронутых. Если непосред-

ственная угроза – действие можно начать, но его обязаны остановить при отсутствии подтверждения риска.

– Ты доволен?

– Нет.

– Почему?

– Система медленнее. Иногда человек страдает, пока мы обсуждаем.

– И раньше человек страдал, потому что вы не обсуждали.

– Поэтому соблюдаю правило, даже когда не доволен.

Это было важнее согласия.

У канала они остановились у киоска. Глеб купил 2 кофе и прежде, чем протянуть Анне стакан, спросил, хочет ли она тот же сироп, который любила 8 лет назад. Она не помнила сироп и выбрала без него.

– Тебе неприятно? – спросила она.

– Немного.

– Можешь говорить.

– Боюсь превращать каждую мелочь в проверку того, вернулась ли ты.

– Тогда не проверяй. Рассказывай только когда деталь нужна сейчас.

Он кивнул.

Анна отпила кофе и поняла, что прежний сироп ей бы не понравился. Это не было победой над прошлым. Просто вкус изменился.

Они записали 4 правила отношений на обороте чека: не

использовать старые привычки как доказательство согласия; не скрывать информацию, касающуюся безопасности другого; не превращать каждую встречу в разбор прошлого; иметь право уйти из разговора, назвав время возвращения.

– Очень романтично, – сказала Анна.

– У меня есть ручка другого цвета для приложений.

После полуночи Глеб остался в Архиве, а Анна вернулась в студию. Их правило требовало сообщить, когда разговор будет продолжен, но не обязывало оставаться на связи всю ночь. В 1:17 он прислал: «До 3 часов проверяю заявления. Потом сплю. Срочного риска тебе не вижу».

Анна ответила: «До 2 работаю со снимком. Если появится чужое воспоминание – звоню Софье и тебе».

Эта последняя часть была важной. Глеб не должен был становиться единственным человеком, удерживающим её реальность. Он поставил реакцию «принято» и не спросил, почему не ему первому.

В 2 часа Анна всё же позвонила. Не из-за опасности – на обороте фотографии проступила фраза «ты снова выберешь его». Она понимала, что текст может быть приманкой, но слова попали в старую рану.

– Не приезжай, – сказала она сразу. – Просто побудь на линии.

– Хорошо.

– Фраза пытается сделать наши отношения повторением выбора между 2 мужчинами.

– Мирон не соперник.

– Знаю. Но память предлагает удобную драму.

Глеб молчал. На фоне шуршали бумаги.

– Что ты чувствуешь? – спросила Анна.

– Ревность. И стыд за неё, потому что он ещё не существует как человек.

– Не стыдись чувства. Только не делай из него решение.

– Это твоя фраза.

– Теперь общая.

Он не спросил, любит ли она его сильнее вымышленного человека. Вместо этого предложил проверить бумагу утром при 3 свидетелях и убрать её в контейнер. Анна согласилась.

Перед завершением звонка Глеб сказал:

– Я рад, что ты позвонила. Не считаю это обещанием звонить всегда.

– Хорошая оговорка.

– Учусь на редакторских правках.

Анна выключила свет в лаборатории. Фраза на фотографии исчезла, но оставила в ней раздражение. Она не пыталась избавиться от него немедленно. Их новые отношения строились не на отсутствии старых реакций, а на том, что реакция больше не получала власть без разговора.

Утром они встретились при Софье. Бумага показала другую строку: «Вы снова выберете безопасность». Объект подстраивался не под романтическую ревность, а под страх каждого наблюдателя. Глеб записал свою первоначальную реак-

цию в протокол без попытки скрыть.

Анна поняла: честность между ними становилась не признанием всех секретов заранее, а привычкой отмечать, где личное чувство может исказить расследование.

Она рассмеялась. Глеб не принял смех за прощение. Убрал чек в прозрачный карман блокнота и спросил, можно ли проводить её до студии.

Анна сказала «да» не потому, что когда-то отвечала так же.

Они стояли посреди студии, рядом с чужой семейной фотографией. Глеб держал её без попытки успокоить быстрее, чем она была готова. Анна уткнулась лбом в его плечо и вдруг увидела короткую сцену: тот же запах ткани, зимний коридор, рука Глеба на её затылке. Память могла быть настоящей. Могла оказаться новым наложением.

Она отстранилась.

– Что?

– Ничего. Или не моё.

Пока Вера ждала результатов осмотра письма, Анна и Глеб остались в лаборатории вдвоём. Это было редкостью: после реформы рядом почти всегда находился независимый свидетель. Сегодня Вера сама выступала владельцем объекта и наблюдала через стеклянную дверь.

Глеб поставил контейнер на стол и спросил:

– Ты согласна, чтобы я находился рядом во время обработки?

– Да. Но не касайся меня без вопроса, если начнётся наложение.

– Принято.

– И не закрывай объект рамкой, пока я не скажу, что теряю ориентацию.

– Если возникнет непосредственный вред?

– Тогда предупреждаешь и действуешь.

Они записали условия. Неловкость не исчезла, но стала рабочей.

Анна включила красный свет. Письмо Веры было написано синими чернилами на бумаге из школьной тетради. На поверхности не было фотографической эмульсии, однако при боковом освещении проступал серебристый налёт, как на плохо промытом отпечатке.

– Мирон писал? – спросила Вера из-за двери.

– Почерк может быть сформирован памятью. Пока не утверждаю авторство.

– Вы всегда так говорите?

– Когда правда ещё не отделена от уверенности – да.

Глеб сравнил буквы с 17 заявлениями у ротонды. Имя «Мирон» везде писалось разными руками, но одинаково соединялись «р» и «о». Как будто люди использовали собственный почерк вокруг 1 моторной привычки.

Анна увидела на полях двойной контур. Под фразой «Я вернусь до белых ночей» находилась другая: «Меня вернут, когда вы вспомните одинаково».

- Это угроза? – спросил Глеб.
- Условие механизма.
- Или инструкция носителям.
- Оба варианта.

Вера попросила прочитать. После фразы её лицо стало мягче, будто обещание подтверждало годы ожидания.

– Он говорил так, – сказала она. – Что вернётся, когда город перестанет врать.

- Когда именно?
- Перед исчезновением.
- У тебя есть запись?
- Нет.
- Свидетель?
- Мама. Она умерла.

Анна заметила, как память закрывается вокруг единственного объяснения. Не потому что Вера была доверчивой – наоборот, слишком долго искала факты и теперь получила физическое подтверждение.

– Мы можем сохранить письмо как объект, – сказала Анна. – Но не будем пока использовать его как доказательство намерений Мирона.

- Вы хотите отнять единственное обещание.
- Хочу отделить то, что оно значит для тебя, от того, кто и когда его написал.

Вера отвернулась к окну.

После обработки Анна почувствовала знакомое движение

рядом. Глеб ещё не коснулся, но она знала, как он обычно придерживал её за локоть, когда начиналось смещение. Тело ожидало. Это было их прежней привычкой и сегодняшней границей одновременно.

– Можно? – спросил он.

– Пока нет.

Он убрал руку. Через секунду пол наклонился, и Анна сама сказала:

– Теперь можно.

Глеб поддержал ровно настолько, насколько нужно. Не прижал, не потянул от стола. Это простое действие показало, насколько отношения изменились: раньше он угадывал, теперь спрашивал; Анна раньше злилась на вопрос, потому что считала его холодностью, теперь видела в нём уважение.

Наложение принесло не сцену с Мироном, а 3 версии одной комнаты. В первой Вера писала письмо сама. Во второй мужчина диктовал ей из-за двери. В третьей лист лежал пустым, а текст проявлялся после смерти матери.

– Я вижу варианты происхождения, – сказала Анна. – Ни 1 не резче остальных.

– Значит, письмо лжёт? – спросила Вера.

– Значит, оно не имеет 1 прошлого.

– Так не бывает.

– Уже бывает.

Глеб записал: «Объект физически подлинный, биографическое происхождение не согласовано». Вера потребова-

ла добавить: «Эмоциональное содержание владелица узнаёт как своё». Софья по телефону одобрила формулировку.

Это был первый документ нового дела, где факт и переживание хранились отдельно.

После ухода Веры Анна и Глеб закрывали студию. Он остановился у двери.

– Сегодня 7 месяцев с момента, когда мы решили начать заново.

– Ты считаешь?

– Даты легче привычек.

– Что мы должны делать в такую дату?

– Ничего обязательного. Я купил пирожки, но они в машине уже 4 часа.

– Это очень похоже на историю, которую я тебе рассказывала.

– Поэтому не был уверен, не превращаю ли прошлое в инструкцию.

Анна взяла пакет.

– Можно повторить поступок, если не выдавать за доказательство чувств.

Они ели остывшие пирожки на лестнице, пока Вера за стеклом разговаривала по телефону. Несколько минут можно было не смотреть в протоколы. Анна рассказала Глебу, что иногда помнит его движение раньше, чем решает довериться.

– Это пугает? – спросил он.

- Иногда. Тело выглядит уверенным, когда я ещё нет.
- Можем каждый раз спрашивать.
- Даже если кажется смешным.
- Особенно.

Именно после этого они вернулись к письму и обнаружили чужой коридор.

Глеб сразу убрал руки.

– Расскажи.

Анна описала коридор. Он побледнел.

– Мы никогда не были там зимой. Этот коридор из школьной фотографии Михаила.

На столе фотографическая копия письма Веры, отпечатанная Анной в масштабе 1:1, покрылась мелким серебристым зерном. Между строк проступило предложение:

«Анна всегда приходила к нему первой».

Глава 4. Брат, которого не было

Квартира Веры находилась в доме, где номера этажей не совпадали с лестничными площадками. Между 3-м и 4-м этажом была лишняя дверь, покрашенная той же серой краской, что стены. На ней не было ручки. Вера сказала, что в детстве Мирон прятал там подарки.

– А что внутри? – спросила Анна.

– Кладовая.

– Вы открывали?

– Конечно.

– Как?

Вера остановилась. На стене висел след от снятой ручки – круг более светлой краски.

– Ключом.

– Ключ сохранился?

– Должен.

Она вошла в квартиру и начала искать прежде, чем снять плащ. Комнаты были заполнены доказательствами. На полках стояли 2 кружки с детскими рисунками, подписанные «Вера» и «Мирон». В рамке – семейный снимок, где между родителями находилось пустое пространство шириной с человека. На холодильнике магнитом прижата записка: «Мир, купи молоко». Бумага пожелтела по краям, но магнит был современный.

Анна снимала только с разрешения. Глеб составлял опись, Софья проверяла даты. Вера ходила за ними, будто боялась, что при повороте спиной предметы исчезнут.

– Родители живы? – спросила Анна.

– Мама умерла 4 года назад. Отец – в пансионате после инсульта. Он не говорит.

– До этой недели вы рассказывали кому-то о брате?

– Всем.

– Есть сообщения, публикации, переписка?

Вера открыла ноутбук. Поиск по имени Мирона дал 1 276 результатов: черновики статей, письма, заметки. Большинство файлов показывали дату изменения за последние 4 дня, даже если в свойствах стояли старые годы.

– Я не создавала их сейчас.

– Я вам верю, – сказала Анна.

– Правда?

– Верю, что вы этого не помните.

Вера резко закрыла ноутбук.

– Это другое.

– Да.

Она не стала смягчать. После собственной утраты памяти Анна ненавидела фразы, которыми недоверие маскировали под заботу.

В детской комнате стояла 2-я кровать. По пыли было видно, что мебель поставили недавно, но дерево на изголовье имело царапины многолетнего использования. На внутрен-

ней стороне вырезано: «М. В. 1998». Ниже – 2 совмещённые рамки.

Софья сфотографировала символ.

– Он был на объекте в октябре.

– И в ротонде, – сказала Анна.

Вера достала из-под матраса жестяную коробку.

– Я нашла её утром.

Внутри лежали 23 письма. Все адресованы Вере, но отправлены из разных городов, в разные годы, разными почерками. Подпись везде одна: «Мирон».

Анна выбрала письмо 2003 года. Вера тогда была ребёнком. Текст рассказывал о лагере на Белом озере и просил не трогать кассеты в верхнем ящике. Почерк подростковый, неуверенный. В письме 2011 года почерк стал жёстче. В 2018-м – мелким, почти медицинским.

– Он рос в документах, – сказала Софья.

– Люди меняют почерк, – ответила Вера.

– Но не одновременно используют 7 разных форм букв.

Анна положила письма рядом. Имя «Мирон» было написано одинаково в эмоциональном жесте – сильный нажим на «М», длинный хвост «р» – и разными руками на уровне моторики.

– Как будто разные люди помнят, как он подписывался, – сказала она.

Вера села на кровать.

– У него был шрам над левой бровью.

– На ваших фотографиях он справа, – заметил Глеб.

– Нет.

Она схватила снимок. На нём мужчина стоял боком. Шрам действительно был слева. Анна посмотрела через камеру – на экране он оказался справа.

– Не двигайтесь, – сказала она.

Сделала 3 кадра с одинаковыми настройками. На каждом шрам менял сторону, длину и форму. Лицо оставалось узнаваемым, но не устойчивым.

– Я вижу слева, – сказала Вера.

– Я – справа, – ответила Софья.

– У меня шрама нет, – произнёс Глеб.

Анна видела тонкую белую линию через переносицу.

Они записали наблюдения отдельно, не обсуждая. Это правило проверки Софья ввела после дела Маркелова: сначала фиксировать личное восприятие, потом сравнивать, чтобы не заражать друг друга готовой версией.

В шкафу нашли куртку мужского размера. В кармане лежал ключ с латунной биркой «ДС-4». Он был тёплым, будто его только что держали.

– Дом свидетелей, – сказала Софья.

– Такого дома нет, – ответил Глеб.

Вера провела пальцем по бороздке ключа.

– Есть. На Сборной улице, за бывшим Домом печати.

– Сборной улицы нет.

– Вы все её знаете.

Анна не знала. Но стоило Вере произнести название, как в памяти возник трамвай, поворачивающий в узкий проезд. Она видела мокрые рельсы, фасад с круглыми окнами и вывеску «Дом свидетелей». Воспоминание было подробным и лишённым личного чувства – как чужой кадр, вставленный в альбом.

– Никто не идёт туда сейчас, – сказал Глеб.

– Почему? – Вера сжала ключ. – Потому что вы вспомнили?

– Потому что мы не знаем, что открывает дверь.

– Я пойду одна.

– Тогда мы будем вынуждены следовать за вами, – сказала Софья. – Это не запрет. Это констатация неудобства.

Вера почти улыбнулась.

В коридоре раздался стук. Не во входную дверь – в серую дверь между этажами.

3 удара. Пауза. Ещё 2.

Вера побледнела.

– Так Мирон стучал, когда забывал ключи.

– Останьтесь здесь, – сказал Глеб.

– Не приказывайте мне в моём доме.

Вера хранила доказательства Мирона не в 1 месте. Копии писем лежали у 3 знакомых, фотографии – в банковской ячейке, детский дневник – у отца. Она объяснила это не страхом перед Архивом, а опытом расследований: источник, существующий в единственном экземпляре, слишком легко

объявить ошибкой.

Анна попросила показать порядок появления материалов. Вера открыла журнал изменений. Первые записи сделаны 4 года назад, задолго до нынешнего кризиса: «На снимке у ротонды появился мужчина. Не публиковать до проверки». Затем фигура возникала рядом с исчезнувшими зданиями. Лицо оставалось пустым, имя не появлялось.

– Когда ты впервые назвала его братом? – спросила Анна.

– В 16 лет. После сна.

– А на фотографиях?

– Имя проступило 3 дня назад.

Это разделяло феномен на 2 периода. Долгое присутствие пустой фигуры и внезапную сборку Мирона после возвращения памяти городу.

Вера принесла школьное личное дело. В графе «состав семьи» слово «брат» появлялось только на страницах, которые заполняла сама Вера. Подписи учителей оставались прежними. В сочинении «Моя семья» она описывала мать, отца и кота. Между строками теперь проступал абзац о Мироне, написанный её почерком, но другой ручкой.

– Я бы не назвала брата «надёжным мужским примером», – сказала Вера. – Так писала классная руководительница.

Анна увидела двойное происхождение: буквы принадлежали Вере, ритм фраз – взрослой женщине, эмоциональный след – страху ребёнка остаться одной.

Они нашли классную руководительницу. Та помнила Ми-

рона сначала учеником, затем молодым коллегой. После 10 минут разговора возраст мужчины изменился прямо в её рассказе.

– Он был старше Веры на 7 лет... Нет, преподавал у нас... Нет, я видела его только на выпускном.

Вера не подсказывала. Записывала каждую версию и время изменения.

– Вы очень спокойны, – сказала учительница.

– Я злюсь профессионально.

На выходе Вера призналась Анне, что хотела спросить: «Он любил меня?» Вместо этого задавала вопросы о датах.

– Факты безопаснее, – сказала она.

– Не всегда. Иногда они просто дают работу вместо горя.

– А вы предлагаете горевать по человеку, которого не было?

– Предлагаю не считать чувство недействительным до окончания расследования.

Вера посмотрела на серую дверь между этажами.

– Я не хочу, чтобы вы утешали меня возможностью его отсутствия.

– Не буду.

Они договорились, что Вера участвует в каждой проверке собственных материалов и получает копии протоколов в тот же день. Глеб подписал условия. Вера добавила пункт: «Архив не использует эмоциональную нестабильность владельца как основание лишить доступа к его документам без отдель-

ного решения».

– Это из прошлых дел? – спросил он.

– Из опыта общения с учреждениями.

Пункт сохранили. Вера настояла, чтобы он распространялся на любого носителя, чьё состояние Архив назовёт нестабильным.

Они вышли на площадку вместе. Серая дверь теперь имела ручку. В замочной скважине подходил ключ «ДС-4».

Вера вставила его прежде, чем Глеб успел остановить.

Дверь открылась не в кладовую.

До появления лестницы Анна осмотрела квартиру Веры как место, где доказательства могли возникать постепенно. Вера заранее составила опись: 23 фотографии, 11 писем, 1 кассета, школьный дневник и ключ, который не подходил ни к одной двери.

– Я работаю с источниками, – сказала она. – Не собираюсь отдавать вам красивую историю без проверки.

Анна уважала это. Попросила рассказать не о исчезновении, а о бытовых недостатках брата.

– Не умел стирать белое с цветным. Опаздывал. Воровал зарядку. Один раз забыл меня после тренировки.

– Сколько тебе было?

– 12.

– Миرونу?

Вера ответила «24», затем нахмурилась.

– Нет. 20. Или 18.

Возраст менялся в зависимости от роли: старший брат должен быть достаточно взрослым, чтобы защищать, но достаточно молодым, чтобы оставаться частью детства.

На кухне висела фотография, где Вера и мать сидели за столом. Между ними проступала мужская рука с чашкой. Тепло ещё не появилось, но тень уже была. Анна проверила поверхность: бумага старая, серебро распределено равномерно. Фигура не была допечатана позже обычным способом.

– Когда заметила? – спросила она.

– В октябре, после событий у вас. Сначала рука. Потом плечо.

– Почему не обратилась раньше?

– Потому что ваша организация только что признала, что годами стирала людей. Я не собиралась приносить единственное доказательство тем, кто мог снова убрать.

Глеб принял удар без оправданий.

– Разумно.

– Не ожидала, что согласитесь.

– Это не делает недоверие удобным, но делает объяснимым.

Вера показала комнату, которую считала комнатой Мирона. Сейчас там был кабинет матери: старый стол, швейная машина, счета. В памяти Веры кровать стояла у окна, на стене висела карта. Она могла обойти мебель с закрытыми глазами и не столкнуться, хотя физическая планировка не совпадала.

– Память хранит пространство отдельно от квартиры, – сказала Анна.

– Или квартиру переделали после его исчезновения.

– Возможны оба варианта.

Они нашли под половицей конверт. Вера уверяла, что прятала его с Мироном. Доски не вскрывались десятилетиями, пыль лежала целой. Внутри – 2 трамвайных билета на маршрут 13, которого не было, и записка: «Дом откроется тому, кто помнит лишнюю дверь».

– Я не клала, – сказала Вера.

– Но знала место.

– Я помнила, что там пусто.

Глеб предложил запечатать конверт. Вера согласилась только после того, как сама подписала ленту и оставила 1 ключ себе.

В спальне Анна заметила зеркало, отражавшее коридор длиннее реального. В конце стоял мужчина. Когда она повернулась, коридор был пуст. В зеркале он поднял палец к губам.

– Ты видишь? – спросила Вера.

– Да.

– Как он выглядит?

Анна описала архивиста. Вера – брата. Глеб видел только затемнение.

– Почему мне показывает больше? – спросила Вера.

– Потому что твоя связь сильнее.

– Или потому что он действительно мой.

Анна не сказала «нет». Нельзя было заменить старую уверенность новой.

Вера включила кассету. Детский голос рассказывал сказку о человеке, которого город забывал каждую ночь. На фоне слышался подросток; голос был неровным, будто запись несколько раз перезаписывали поверх старого шума. Вера узнала Мирона мгновенно.

– Это он.

– Что именно узнаёшь? Тембр, дыхание, слова?

– Паузы. Он всегда делал паузу перед тем, как соврать, чтобы придумать правдоподобнее.

Живая деталь не доказывала человека, но доказывала устойчивость внутренней связи.

Анна попросила Веру записать собственным голосом: «Я помню брата и допускаю, что память может иметь другое происхождение». Вера отказалась.

– Это звучит как согласие сомневаться в нём.

– Да.

– Пока не могу.

– Тогда не записывай.

Глеб посмотрел на Анну. Раньше Архив назвал бы отказ сопротивлением и усилил проверку. Теперь они оставили границу.

Именно после этого ключ в контейнере повернулся сам. Лишняя дверь между этажами открылась.

За ней шла лестница вниз, хотя площадка находилась на 4-м этаже. Стены были оклеены газетами. В каждом заголовке встречалось имя Мирона Вельского. На нижней ступени стоял мужчина, видимый только по частям: рука в тёмном рукаве, линия подбородка, один глаз.

– Вера, – сказал он.

Она шагнула вперёд.

Анна схватила её за локоть. В этот момент фигура посмотрела на Анну, и чужое воспоминание ударило без боли.

Мирон застёгивал ей пальто в коридоре школы. Говорил: «Ты опять уйдёшь первой».

Анна знала, что сцены не было. Тело всё равно узнало тепло его пальцев у горла.

Дверь захлопнулась.

На серой краске остался влажный отпечаток мужской ладони.

Глава 5. Составной голос

Никита приехал утренним поездом, хотя Анна просила не возвращаться до проверки записи.

– Ты сказала «не приезжай» тем голосом, которым люди сообщают о пожаре и надеются, что никто не вызовет пожарных, – объяснил он.

Он выглядел похудевшим и старше, чем 7 месяцев назад. Волосы отросли, под глазами лежали тени от ночной работы. На плече висел жёсткий кофр с рекордером, в руке – бумажный стакан и пакет с казанскими чак-чаками для Софьи, которая однажды сказала, что не любит сладкое, а потом съела половину.

Мила приехала с ним, но остановилась у входа в «Светотень».

– Я поселюсь у подруги, – сказала она Анне. – Он взрослый, адрес знает. Если потеряет память, у него есть запись, где он сам просит не звонить мне как аварийному контакту раньше врачей.

Никита поморщился.

– Звучит бесчеловечно.

– Ты записал это после того, как я 2 часа доказывала тебе, что мы встречались.

– Разумный прошлый я.

– Иногда.

Они поцеловались в щёку. В этом жесте оставалась осторожность людей, которые заново договаривались о близости. Анна увидела себя со стороны и не стала задавать вопросов.

В студии Никита разложил оборудование. Запись из ротонды получили в 11 версиях: телефонные видео, фрагмент с городской камеры, звук из машины и аудиофайл неизвестного происхождения, появившийся в облачном архиве радиостанции.

– Сначала реальность, потом магия, – сказал он. – Проверим монтаж, компрессию, помещения, микрофоны.

Он синхронизировал дорожки по трамвайному звонку. На всех голос произносил одинаковые слова, но длительность отличалась на доли секунды.

– Обычная автоматика могла растянуть файл, – сказал Глеб.

– Могла. Но не заменить дыхание.

Никита выделил паузу между «Анна» и «Светлова». На 1 записи слышался вдох через нос, на другой – короткий выдох, на третьей воздуха не было вовсе.

– Разные исполнители? – спросила Вера.

– Тогда они невероятно точно совпали по интонации. Смотрите на форманты.

Он объяснил без лекции: устойчивые полосы показывали особенности голосового тракта. В одной фразе они менялись так, словно каждое слово произносил другой человек, а слух собирал из них 1 знакомый голос.

– Сколько? – спросила Анна.

– Минимум 7. Возможно, больше. Фоновый шум тоже составной. Здесь ротонда, здесь больничный коридор, здесь школьный класс, а под ними – помещение с высокой кирпичной стеной и механической вентиляцией.

– Архив? – спросила Софья.

– Не ваш нынешний. Вентилятор старый, лопасти с дефектом. Повтор каждые 2,4 секунды.

Никита включил очищенный низкочастотный слой. Глухой удар повторялся с ровным интервалом. Между ударами возникал шорох, похожий на переворачивание карточек.

Никита замер.

– Что? – Анна сразу заметила.

– Я это слышал раньше.

– Где?

– Не знаю.

Она заставила себя не требовать остановиться.

– Хочешь продолжить?

Он посмотрел на неё, понял усилие и кивнул.

– Да. Но запиши, что решение моё.

Анна включила диктофон.

– 18 мая, 10:46. Никита Светлов добровольно продолжает анализ после возникновения возможного якорного узнавания.

– Звучит ужасно официально.

– Ты сам попросил.

– Поэтому и ужасно.

Он снова воспроизвёл слой. На 4-м повторе закрыл глаза.

– Это не помещение. Это поезд.

– Поезд? – переспросила Софья.

– Колёса на стыках, но наложенные на вентиляцию. Я помню, как ехал ночью. Мирон сидел напротив и держал меня за воротник, чтобы я не упал с моста.

– Одновременно поезд и мост? – спросил Глеб.

– В том и проблема. Память склеена из 2 сцен.

Никита открыл свой аудиодневник. В записи от 3 ноября он говорил о потерянных 6 месяцах. На фоне была тишина квартиры. Теперь под голосом проступил тот же удар каждые 2,4 секунды.

– Этого не было, – сказал он.

– Ты уверен? – осторожно спросила Мила, сидевшая у второго монитора.

– Я монтировал файл. Там работал холодильник, и ты ругалась на соседей. Сейчас холодильника нет.

– У нас сломался холодильник в декабре.

– Запись ноябрьская.

Он сравнил резервную копию на отдельном диске. Шум появился и там. Файл не заменили – изменился смысл существующего сигнала.

– Почему аудио сохраняется, если цифровые копии должны быстро терять след? – спросила Анна.

– Потому что это мой якорь, – ответил Никита. – Я слу-

шал его каждую неделю. Эмоциональное повторение укрепило дорожку.

Он произнёс это и побледнел.

– Что ты потерял?

– Не знаю.

Анна хотела подойти, но остановилась. Никита сам проверил список из аудиодневника: имя учительницы музыки, пароль от первой студии, день знакомства с Милой, запах их старой квартиры, детская поездка с Анной.

– Мы ездили к морю, когда мне было 8? – спросил он.

– Да.

– Ты разбила колено на пирсе.

– Нет. Это ты разбил подбородок на лестнице.

– Я помню кровь у тебя на ноге.

– У меня не было раны.

Никита открыл семейные фотографии. На снимке у моря рядом с детьми стоял мужчина. Лица почти не было видно из-за солнечного блика. Его рука лежала на плече Никиты.

– Он спас меня, – сказал Никита. – Я сорвался с перил.

– Ты упал на 2 ступени, – ответила Анна. – Я держала тебя за футболку.

– Нет.

Первое «нет» прозвучало спокойно. Второе – с раздражением.

– Я помню его пальцы на воротнике. Помню, как ты стояла далеко и кричала.

Анна почувствовала укол ревности к человеку, которого не существовало. Не романтической – семейной, почти детской. Мирон занимал место, где она сама помнила брата.

В звуковой студии Никита работал не один. Мила сидела у второго монитора, отмечала время и запрещала ему слушать спорный фрагмент больше 3 раз подряд. Это правило появилось после возвращения: при повторном прослушивании чужой голос иногда начинал звучать как собственная мысль.

- На 4-м повторе ты уже не анализируешь, – сказала она.
- Ты договариваешься с записью.
- Очень лестное мнение о моей профессии.
- О твоём упрямстве.

Никита разложил дорожку на короткие участки. Обычная спектрограмма не показывала «несколько людей» готовыми цветными слоями – она показывала частоты, паузы, шум помещения. Составность обнаружилась в несогласованных деталях. В начале слова дыхание принадлежало женщине: короткий вдох через нос, едва слышный свист. Согласная «м» имела низкую основную частоту пожилого мужчины. Окончание произносилось молодым голосом в другой комнате – фон внезапно становился суше, исчезал гул трамвая.

- Если это монтаж, он собран не по словам, – сказал Никита.
- По тому, как разные люди ожидали услышать 1 человека.

Мила включила контрольную запись, сделанную ею утром тем же микрофоном. Шум вентиляции шёл непрерывно. В

голосе Мирона он обрывался перед каждой эмоционально важной фразой и возвращался после неё.

– Значит, запись меняется не на аппаратуре, – сказала она.

– Носитель достраивает смысл. Плёнка ведёт себя так, будто голоса всегда были записаны вместе.

Он перенёс фрагмент на отдельную аналоговую кассету, затем сделал цифровую копию. Через 20 минут цифровой файл стал чище: несовпадения сгладились, голос приобрёл приятный средний тембр. Кассета сохранила швы.

– Вот почему нужны оригиналы, – сказал Никита. – Копия теряет качество и выбирает удобную версию.

Мила записала это в журнал и добавила: «Исходный анализ выполнен 18 мая в 13:42. Присутствовали 2 человека». После событий прошлого года она не соглашалась быть невидимым помощником.

Никита сохранил собственное сообщение:

«Меня зовут Никита Светлов. Мирона Вельского лично не знаю. Сегодня слышу составной голос и чувствую знакомство. Знакомство не считаю фактом».

– Почему только ты? – спросила Мила.

Он протянул ей диктофон.

Она записала своё имя, место и то, что не узнавала Мирона. На слове «не узнавала» индикатор дёрнулся, словно дорожка попыталась вставить чужой вдох.

– Теперь узнаю угрозу, – сказала Мила. – Это не одно и то же.

Их 2 независимые записи стали первым звуковым якорем расследования.

– Давайте не спорить о достоверности прямо сейчас, – сказал Глеб. – Фиксируем обе версии.

– Удобно, – бросил Никита. – Когда не знаешь, кто прав, объявляешь всё вариантами.

Он услышал собственный тон и отступил от стола.

– Извини.

– Не за что, – сказала Анна.

– Есть. Я злюсь, потому что воспоминание о нём приятнее. В этой версии ты не успела меня спасти. И какая-то часть меня рада, что хоть раз ты не была той, кто всё решает.

Слова ударили точнее обвинения.

Анна кивнула.

– Это может быть не его чувство. Может быть твоё, вокруг которого он построился.

Никита работал не с очищенной дорожкой, а с 3 версиями записи. Первая – цифровой файл из эфира. Вторая – звук, записанный на телефон пассажира трамвая. Третья – аналоговый фрагмент со старого приёмника, который он попросил не выключать после звонка Анне.

– В цифровом файле имя почти идеальное, – сказал он. – Слишком идеальное. Нет отражений комнаты, нет дыхания до согласной. В аналоговом есть провал и 7 разных акустик.

Он вывел спектрограммы на 2 монитора. Цветные полосы сами по себе не рассказывали историю, но показывали

несовпадение формант: гласные принадлежали разным голосам, согласные склеивались из фрагментов.

– Ты можешь восстановить исходных людей? – спросила Анна.

– Не из ничего. Могу сравнить с добровольно предоставленными образцами. И отделить, где меняется помещение.

Слово «Мирон» начиналось в трамвае, продолжалось в кухне, завершалось в большом зале. Такой монтаж невозможно было сделать случайно, но магия не отменяла физику записи – использовала реальные частоты.

Никита открыл собственный аудиодневник. После возвращения он каждый вечер записывал 3 вещи: что помнит сам, что узнал от других и что выбирает считать фактом до проверки.

– Вчера: «Не знаю Мирона. Имя вызывает тревогу, но личных сцен нет». Сегодня утром: «Кажется, он однажды учил меня сводить голос». Я никогда не учился у 1 человека. Собирал по курсам и работе.

– Что в ощущении самое убедительное?

– Он говорил не убирать дыхание полностью, иначе голос становится мёртвым.

– Это мог сказать любой звукорежиссёр.

– Я сам так говорю. Возможно, память взяла мою фразу и дала ему.

Мила сняла наушники и свернула на втором мониторе материалы будущего казанского проекта. Её раздражало, что

Никита снова работает без сна.

– Скажи, где мы познакомились, – попросила она.

– На фестивале в июне.

– Кто нас представил?

Никита ответил не сразу.

– Мирон.

Мила побледнела.

– Нет. Режиссёр Даня. У меня есть видео.

Она открыла сохранённый файл. На сцене Даня действительно знакомил их, но между словами слышался мужской смех. Никита выделил фрагмент – те же составные форманты.

– Он уже занимает слабые места в новых отношениях, – сказал Никита. – Даже новые отношения.

– Прекращай работу на час, – сказала Мила.

– Я нормально.

– Ты только что забыл человека, который нас познакомил.

– Вспомнил после проверки.

– Поэтому и нужен перерыв.

Никита посмотрел на Анну, ожидая, что она поддержит. Её первым желанием было приказать. Она спросила:

– Какие границы вы установили?

– 2 ошибки в личных фактах – перерыв, – ответила Мила.

– Это первая или вторая?

– Вторая. Утром он назвал не тот город премьеры.

Никита выругался мягко и выключил основную дорожку.

– Хорошо. 40 минут.

– Час.

– 50.

– Договорились.

Он записал причину остановки, чтобы позже не считать её чужим контролем. Анна увидела в этом важную разницу: граница была выбрана заранее и принята в момент, когда мешала.

Во время перерыва они проверили физические носители. На магнитной ленте не появлялись новые участки – менялось восприятие уже записанного шума. Когда Никита слушал через динамик, слышал имя. Через осциллограф видел обычный фон. Через наушники, принадлежавшие Миле, слышал голос режиссёра Дани.

– Эмоциональный якорь устройства? – спросила Анна.

– Скорее владельца. Вещь помогает мозгу выбрать дорожку.

Он предложил эксперимент. Каждый произнёс 1 факт о себе на чистую ленту, затем поверх проиграли составной голос. Анна услышала собственную фразу яснее, Глеб – свою. Имя Мирона стало тише.

– Звуковая самоидентификация сопротивляется наложению, – сказал Никита. – Не стирает. Просто даёт опору.

Никита внёс наблюдение в протокол. Маленькая техническая деталь могла стать опорой: собственный голос не стирал наложение, но не позволял ему полностью заменить че-

ловека.

После перерыва Никита вернулся к анализу и заметил в фоне звук механического замка. 2 щелчка, пауза, третий. Он воспроизвёл медленнее.

– Это не дверь квартиры. Большой ригель, старый.

Глеб узнал систему замков бывшего Дома печати. В Архиве такие использовали до 2003 года.

Дальше в записи прозвучал трамвайный звон с частотой, характерной для старых вагонов маршрута, закрытого 28 лет назад. Маршрут проходил по улице, которой больше не было.

Никита посмотрел на неё.

– Вот это полезнее, чем «ты неправильно помнишь».

На экране спектрограмма изменилась. 7 голосовых полос сошлись в одну. Из колонок прозвучал мужской голос, теперь отчётливый:

– Никита, найди дом до того, как они вернут мне тело.

Следом раздался звук ключа в замке и трамвайное объявление:

«Следующая остановка – Сборная улица».

Такого маршрута в Невенске не было.

Но принтер у стены сам включился и выпечатал билет. На нём стоял номер трамвая 13, дата 18 мая 2027 года и пункт назначения: «Дом свидетелей».

Глава 6. Память с чужого голоса

Временный центр помощи разместили в бывшей городской поликлинике на Печатной набережной. Вывеску не меняли, поэтому люди приходили с воспоминаниями о несуществующих родственниках и попутно спрашивали, где принимает терапевт.

К полудню очередь растянулась до лестницы. На дверях кабинетов висели новые таблички: «Первичная фиксация», «Проверка материальных якорей», «Добровольное согласие», «После разделения». Последнюю комнату пока не использовали. Никто ещё не знал, что именно разделять.

Анна вошла через служебный подъезд вместе с Глебом и увидела Зорину у окна. Руководитель Архива за 7 месяцев почти не изменилась внешне, но перестала носить закрытые чёрные костюмы. Сегодня на ней был серый жакет с заметной заплаткой на локте. После реформы она часто появлялась среди людей лично, словно присутствием доказывала, что Архив больше не принимает решения только под землёй.

– Орлова уже здесь, – сказала Зорина.

– Она имеет право? – спросила Анна.

– Имеет доступ к закрытым делам старого контура. Я не могу отменить приказ 1996 года без совета.

– Совет соберётся через 3 дня, когда город успеет придумать Мирону паспорт и квартиру.

– Поэтому я разрешила ей наблюдать, а не командовать.

За матовым стеклом кабинета стояла женщина лет 52 с короткими светлыми волосами. Елизавета Орлова разговаривала с пожилым мужчиной, который принёс халат. Она не перебивала, не делала замечок на виду, задавала короткие точные вопросы. Её спокойствие не походило на холодность Глеба. В нём была уверенность человека, который заранее знает, какие ответы считаются допустимыми.

– Это вы вернули память городу? – спросила Орлова, когда Анна вошла.

– Люди вернули её себе.

– Удобная формулировка. Ответственность распределена, как в старых протоколах.

– Вы их читали?

– Я их составляла.

Глеб встал чуть ближе к Анне, но не заслони́л её.

– Вы знаете дело 417-МВ? – спросил он.

– Знаю, что оно появилось в октябре. Знаю, что вы позволили коллективному объекту укрепиться 7 месяцев без карантина.

– У объекта не было активных проявлений.

– Теперь есть.

Орлова перевела взгляд на Зорину.

– Я прошу ввести контурное ограничение: закрыть ротонду, изолировать все найденные оригиналы, остановить публичный сбор свидетельств.

– После добровольной фиксации, – ответила Зорина.

– Пока вы заполняете согласия, люди теряют настоящие воспоминания.

– И что вы предлагаете?

– Прекратить усиление общего образа. Не произносить имя в массовых объявлениях, не собирать носителей вместе, изъять ключевые якоря.

Анна посмотрела в коридор. Люди сидели на скамьях, прижимая письма и фотографии. После прошлогоднего кризиса слово «изъять» звучало как угроза, даже если предмет действительно был опасен.

– Вы хотите забрать у них доказательства, не объяснив причину, – сказала она.

– Я хочу, чтобы через неделю у них сохранилась собственная биография.

– Мы ещё не знаем, что вещи усиливают феномен.

– Вы знаете. Ваш брат уже потерял детское воспоминание.

Анна резко повернулась к Глебу.

– Откуда она знает?

– Я не сообщал.

Орлова не стала изображать сожаление.

– У старого Управления сохранился доступ к записям аномальных частот. Ваш брат воспроизвёл имя в защищённой системе.

– Вы прослушиваете Архив?

– Я контролирую систему, построенную для защиты горо-

да. Новое руководство решило, что прозрачность важнее готовности.

– Не называйте тайное прослушивание готовностью, – сказала Софья, входя в кабинет. – И уберите свои датчики из нашего канала. Я уже нашла 2.

Орлова посмотрела на неё с едва заметным интересом.

– Софья Ремезова. Вы стали смелее.

– Нет. Просто раньше не знала, сколько документов можно уничтожить одним правильным приказом.

Она положила на стол папку. Внутри был список свидетелей, составленный чернилами, которым не меньше 25 лет. На первой странице – 813 фамилий. 417 были обведены современным красным карандашом.

– Откуда? – спросила Зорина.

– Из фонда, который не существовал вчера. Шкаф появился между отделом аудио и аварийным выходом. В описи его нет. Ключ лежал у меня в столе.

Орлова не изменилась в лице. Только правая рука легла на левое запястье.

Анна заметила жест.

– Вы видели этот список.

– Я видела сотни списков.

– Но этот узнали.

– Узнавание – ненадёжный источник.

– Тогда почему вы требуете немедленного карантина?

Орлова посмотрела прямо.

– Потому что я уже видела, как город становится увереннее фактов.

В коридоре закричали.

Они выбежали в кабинет первичной фиксации. Мужчина около 60 лет стоял перед стендом с фотографиями. На его руках остались следы штукатурки, на куртке – известковая пыль. Он пришёл рассказать, что Мирон работал с ним каменщиком и однажды научил не бояться высоты.

– Как зовут вашу дочь? – спрашивала сотрудница центра. Мужчина молчал.

– Вы принесли её фотографию.

Он посмотрел на снимок молодой женщины с ребёнком.

– Это не моя семья.

– Вы 10 минут назад называли её Олей.

– У меня нет детей.

Сотрудница показала анкету. В графе «самое устойчивое реальное воспоминание» мужчина написал: «Как Оля впервые сказала “папа”». Строка бледнела на глазах.

Анна подошла медленно.

– Что вы сейчас помните о Мироне?

– Он держал страховку, когда я впервые вышел на леса. Сказал, что страх не исчезает, просто перестаёт командовать.

– Это помогло вам?

– Я после этого 30 лет работал наверху.

– А дочь?

Мужчина раздражённо отмахнулся.

– Не придумывайте мне дочь.

На шее сотрудницы дрогнула жилка. Она знала Ольгу – та привезла отца и ждала внизу.

Орлова вошла последней.

– Пример достаточно нагляден? – спросила она.

– Ему нужна помощь, а не ваш аргумент, – ответила Анна.

Она попросила разрешения посмотреть оригинал. Мужчина согласился, не понимая, зачем. Фотография была цифровой печатью 5-летней давности, но в кошельке лежала давно и стала эмоциональным якорем. При боковом свете лицо дочери имело обычное растриванное изображение. По краям фигуры мужчины проступал второй контур – более молодой, в строительной каске. За плечом стоял Мирон.

Анна положила рядом принесённый им строительный отвес. На металле выцарапаны буквы «М. В.». Когда она совместила предмет и фото в поле камеры, в голове возникло 2 сцены: мужчина держит новорождённую дочь; мужчина стоит на лесах, а Мирон затягивает страховочный узел.

Обе памяти были эмоционально сильными. Вторая вытесняла первую по одному общему элементу – чувству, что кто-то доверил ему безопасность.

– Он не забирает случайные воспоминания, – сказала Анна. – Он занимает место внутри похожей связи.

– Это меняет итог? – спросила Орлова.

– Меняет способ.

Анна увидела, как можно разъединить контуры: привязать воспоминание о дочери к её голосу, а историю о Мироне – к отвесу. Но у неё не было голоса Ольги.

– Позовите дочь, – сказала она.

– Я не хочу видеть незнакомую женщину, – ответил мужчина.

– Это ваше решение. Но прежде чем отказываться, послушайте запись, которую вы сами сделали.

Сотрудница нашла аудио из анкеты. Мужчина говорил: «Я помню Олин первый шаг и хочу сохранить это, даже если потом буду сомневаться». Голос был его. Он слушал с недоверием.

Ольга вошла. Она не бросилась обнимать. Села напротив и включила на телефоне старое сообщение: детский голос поздравлял папу с днём рождения, сбивался и смеялся.

Мужчина закрыл лицо ладонями.

– Я не чувствую, что это моё.

– Я знаю, – сказала Ольга. – Но оно было.

Анна соединила звук, фотографию и отвес. Двойной контур стал видимым и на экране камеры: на экране камеры 2 сцены наложились, как плохо совмещённые кадры. Она не тянула память силой. Попросила мужчину назвать, что он хочет оставить.

– Дочь, – сказал он после долгой паузы. – И фразу про страх. Даже если её сказал не Мирон.

– Тогда мы отделим человека от значения.

Анна провела пальцем по краю снимка. Боль пришла не под глазом, а за ушами, будто голоса заговорили одновременно. Она увидела зерно каждого слоя. Воспоминание о дочери вернулось не картинкой, а ощущением тяжести младенца на руках. История о лесах осталась как рассказ без лица Мирона.

Мужчина посмотрел на Ольгу.

– Ты ненавидела манную кашу.

В центре ввели очередь не по степени уверенности, а по степени вреда. Это решение вызвало скандал: люди, которые «помнили всё до мелочей», требовали пройти первыми. Софья отвечала, что подробность воспоминания не делает его опаснее чужой потери жилья, родства или медицинской истории.

К Анне привели Тамару Руденко, 62 года. Женщина помнила Мирона сыном, погибшим 9 лет назад, и принесла коробку детских вещей. В реальности её единственный сын Андрей был жив и стоял в коридоре. Тамара узнавала его как соседа.

– Не спорьте с ней фактами, – предупредила Анна.

Андрей сжал челюсть.

– Она называет чужого человека моим именем.

– Поэтому сначала нужно удержать вашу связь, а не выиграть спор.

Они выбрали 3 якоря, существовавших до феномена: шрам на ладони Андрея, рецепт пирога с его детской кляк-

сой и аудиозапись, где 7-летний мальчик неправильно произносил слово «экскаватор». Тамара слушала, плакала и всё равно спрашивала, где Мирон.

Анна увидела наложение на семейной фотографии. Фигура Мирона не заменяла Андрея полностью. Она занимала роль погибшего сына, которую Тамара когда-то воображала во время тяжёлой операции ребёнка. Страх не исчез после выздоровления – остался пустым местом, готовым принять другую биографию.

– Я не хочу отнимать у вас того, кого вы оплакиваете, – сказала Анна. – Но память о Мироне вытесняет живого Андрея. Можно временно ограничить связь, не уничтожая её.

– Ограничить сына?

– Ограничить то, что меняет узнавание.

Тамара отказалась. По новым правилам этого было достаточно, если не возникал непосредственный вред другим. Андрей вышел в коридор, ударил кулаком по стене и тут же извинился перед медсестрой.

– Значит, мне ждать, пока она забудет меня совсем?

– Нет. Мы можем работать с вашими якорями и предложить ей вернуться к решению позже. Вы тоже имеете право на помощь.

Он не поблагодарил. И не обязан был.

Через час Тамара сама попросила прослушать детскую запись ещё раз. На слове «экскаватор» она рассмеялась сквозь слёзы и назвала Андрея сыном. Через 10 секунд снова забы-

ла. Но связь не исчезла – значит, Мирон не создавал чувства из пустоты. Он занимал уже существующие пути.

Анна внесла вывод в карту дела: «Феномен усиливается на незавершённом страхе и трауре. Возвращение факта не гарантирует возвращение узнавания». Это было важнее красивой победы в 1 разговоре.

Она рассмеялась и заплакала.

На отвесе буквы «М. В.» исчезли. Металл сохранил царапины, но они больше не складывались в инициалы.

Анна отступила. Лица в комнате на секунду смешались: у Ольги были брови Веры, у Глеба – рот Никиты, Софья выглядела похожей на клиентку с котом. Потом всё встало на место.

Глеб взял Анну за локоть только после её кивка.

– Сколько времени? – спросил он.

– Несколько секунд.

– Ты называла меня Никитой.

До первой попытки разделения центр успел принять 27 человек. Каждый приходил с убеждением, что проблема уникальна, и сталкивался с очередью людей, чьи невозможные воспоминания были не менее подробны.

В кабинете 4 мужчина по имени Олег помнил Мирона коллегой на судоремонтном заводе. Вместе они якобы спасли смену во время аварии. Завод существовал, авария была, но спасателем в документах значилась женщина-инженер, имя которой Олег перестал узнавать.

– Если скажете, что память ложная, я уйду, – предупредил он.

– Я скажу, что её происхождение не подтверждено, – ответила Софья. – И что из вашей памяти исчезает реальный человек.

Олег разозлился, но остался. Инженера нашли живой. Она помнила аварию и Олега, но не Мирона. На фотографии смены мужская фигура занимала её место только на копии Олега. Оригинал в заводском музее сохранял женщину.

Анна провела сравнение без разделения. Показала 2 изображения рядом. Олег сначала обвинил музей в подмене, затем заметил собственную руку: на оригинале он держал инженера за плечо, на копии – Мирона. Телесная деталь вернула сомнение.

К вечеру у центра собрались родственники людей с нарушенной памятью. Они не требовали объяснить магию – требовали вернуть доступ к банковским счетам, квартирам, медицинским решениям и собственным семьям. Архив не был готов к последствиям, которые нельзя закрыть контейнером.

Мужчина по имени Денис не мог забрать дочь из школы: в электронной системе отцом значился Мирон Вельский. Учительница помнила Дениса, но программа блокировала выдачу ребёнка. В другом районе женщина получила уведомление о долге Мирона, обеспеченном её квартирой. 2 семьи спорили за одно место на кладбище.

Софья создала временную группу из юриста, врача и

представителя носителей. Старые сотрудники возражали: внешние люди узнают о феномене.

– Они уже живут внутри его последствий, – ответила она.
– Секретность не делает их внешними.

Анна участвовала в 3 делах. В каждом соблазн был одинаковым – исправить документ рамкой и объявить проблему решённой. Но запись возникала из памяти, а насильственное удаление могло повредить владельца.

Денис принёс семейный альбом. На 5 снимках Мирон занимал его место рядом с дочерью. Девочка знала, что настоящий отец – Денис, и одновременно боялась уходить с ним, потому что «дядя Мирон запретил».

– Он говорил это? – спросила Анна.

– Во сне.

– Что именно?

– Что папа забудет меня, как все забывают.

Страх принадлежал девочке после прошлогодних событий. Мирон стал голосом уже существующей тревоги.

Анна не обрабатывала фотографии. Попросила Дениса и дочь создать новый якорь: записать дорогу от школы домой, которую они проходят сейчас. Девочка сама держала диктофон, называла повороты, выбирала, где остановиться за булочкой. Через час система школы ещё не исправилась, но ребёнок согласился уйти с отцом.

Юрист выдал временное подтверждение родства на основании прежних документов и личного свидетельства. Это не

было магией, зато решало непосредственную проблему без вмешательства в память.

– Мы спасаем город справками, – сказал Никита.

– Иногда справка полезнее ритуала, – ответила Софья.

В социальных сетях распространялись 3 версии: массовое отравление, эксперимент с нейросетями и акция нового религиозного движения. Вера предложила публичную памятку без раскрытия Архива: фиксировать изменения, не уничтожать оригиналы, не убеждать человека силой, обращаться за помощью при утрате узнавания или документов.

Орлова была против публикации.

– Вы дадите феномену общий словарь.

– Люди уже сравнивают истории, – сказала Вера. – Молчание оставляет им только слухи.

Памятку выпустили от имени временного центра. В ней не было имени Мирона. Количество панических обращений снизилось, но число зафиксированных случаев выросло. Прозрачность не уменьшила масштаб – сделала его видимым.

Для старого Архива это выглядело ухудшением статистики. Для Анны – первым честным измерением вреда.

– Я благодарен ему, – сказал Олег.

– Кому?

– Не знаю.

– Благодарность может остаться вашей, пока мы выясняем адресата.

Это была новая формулировка. Не «забудьте ложное», не «признайте правду».

В кабинете 6 женщина помнила Мирона человеком, разрушившим её семью. Она не хотела сохранять чувство и требовала стереть его немедленно. Глеб объяснил, что удаление без карты связей может забрать реальные воспоминания о муже.

- Вы защищаете преступника?
- Защищаю вашу память от непроверенной процедуры.
- Удобно прикрываться мной.
- Да, звучит так. Поэтому решение проверяет второй специалист.

Орлова наблюдала за центром с выражением человека, который видит подтверждение своей правоты в каждом конфликте. Она не вмешивалась, пока Анна не предложила первую локальную процедуру мужчине, забывающему дочь из-за роли Мирона-сына.

- У нас нет карты последствий, – сказала Орлова.
- Есть сильный реальный якорь дочери и ранняя стадия.
- Это не карта.
- Если ждать, он потеряет её полностью.
- А если вмешаться, может потерять способность узнавать семью вообще.

Анна ненавидела, что Орлова была права в части риска. Они получили согласие мужчины, дочери и независимого свидетеля. Не обещали вернуть всё. Использовали семейную

фотографию, старый голосовой архив и цветы с ротонды как внешний след Мирона.

Во время наложения Анна увидела 3 слоя: реальный сын умер в младенчестве; дочь родилась позже; Мирон занял место сына, потому что мужчина всю жизнь носил неразрешённую утрату. Роль добавляла человека, используя старое горе.

– Я не хочу снова терять ребёнка, – сказал мужчина.

– Дочь перед вами, – ответила Анна.

– Я знаю головой.

Дочь положила его ладонь на шрам у себя на подбородке.

– Ты держал меня, когда зашивали. Это не Мирон.

Отец вспомнил больничный коридор. Лицо дочери вернулось, но вместе с ним пришло горе по умершему младенцу, которое память Мирона временно закрывала.

Он закричал. Не от магической боли – от 38 лет отложенной утраты.

Анна остановила свет. Процедура не завершилась чисто. Мирон-сын исчез из обращения, но мужчина потерял 2 года воспоминаний о работе и не узнавал квартиру.

– Вот цена вашей уверенности, – сказала Орлова.

– Цена старого горя и нашего вмешательства, – ответила Анна. – Причин несколько.

– Человеку всё равно, как вы распределите вину.

Анна осталась рядом до приезда врача. Дочь не обвиняла и не благодарила. Спросила только, вернётся ли адрес.

– Не знаю, – сказала Анна.

– Тогда почему начали?

– Потому что он переставал узнавать вас.

– А теперь не узнаёт дом.

Никакой ответ не исправлял выбор.

Позже мужчина вспомнил квартиру по запаху старого шкафа. Рабочие годы остались закрыты. В журнале Анна подробно записала ошибку и потребовала запретить следующие разделения без карты того, какая эмоция поддерживает роль.

Именно после этого Орлова произнесла вопрос о 416 носителях.

Она не помнила этого.

Орлова наблюдала молча.

– Вы вернули 1 связь, – сказала она. – В очереди 416 носителей, и число растёт. Сколько раз вы сможете повторить?

– Не 416, – ответила Анна. – Каждая память должна делиться владельцем, а не мной.

– Тогда вы опоздали ещё до начала.

В этот момент список 813 фамилий на столе изменился. Рядом с именем мужчины появилось слово «освобождён». Ниже проступила новая строка:

«До закрепления осталось 6 дней».

Никто не знал, кто установил срок.

Глава 7. Наложения

После первой процедуры Анна проспала 3 часа на кушетке в кабинете, где прежде делали кардиограммы. Ей снилось 6 разных детств. В одном она росла на чердаке Дома свидетелей, в другом была старше Никиты на 14 лет, в третьем никогда не держала камеру. Проснувшись, она несколько секунд не понимала, какую руку считать своей.

Глеб сидел у двери и читал бумажный отчёт. Не телефон – бумагу. Он знал, что свет экрана после смещения усиливал тошноту.

– Сколько лиц? – спросил он.

– Сейчас 1.

– Имя?

– Моё?

– Моё.

– Глеб Северин.

– Где мы?

– В бывшей поликлинике на Печатной. Май 2027 года. Ты снова проводишь тест, который я ненавижу.

– Хороший знак.

Он протянул воду. Анна сделала глоток и почувствовала вкус чужой квартиры – кипячёная вода из эмалированного чайника, окно на железную дорогу. Вкус исчез прежде, чем она успела ухватить образ.

- Я не могу делать это массово, – сказала она.
- Это было понятно до процедуры.
- Не начинай с «я говорил».
- Я не говорил. Я согласился на ограниченный тест.
- Но думал.
- Да.

Честность иногда раздражала сильнее уклонения.

На столике лежала фотография мужчины и дочери. Двойного контура больше не было. Рядом – отвес без инициалов. Фактический результат оказался успешным, цена – неопределённой.

Софья принесла 4 стеклянных пластины из нового шкафа. Каждая была упакована по старому архивному стандарту. На конвертах стоял знак 2 рам.

– Это не копии, – сказала она. – Эмульсия серебряно-желатиновая, конец 1980-х или начало 1990-х. Точную дату даст лаборатория. В каталоге нет фонда, но карточки ссылаются на «Собор свидетелей».

– Название операции? – спросила Анна.

– Или проекта. В 3 карточках слово заменено на «сбор свидетелей». Буква «о» проступает под подчисткой.

Глеб надел перчатки. На первой пластине была группа людей у здания с круглыми окнами. Лица видны плохо. На второй – пустой зал и 2 совмещённые рамки. На третьей – мужчина у стола. Каждый из присутствующих увидел его по-разному.

- Тёмные волосы, шрам на правой щеке, – сказала Софья.
- Светлые, без шрама, – ответил Глеб.

Анна не описывала лицо. Она смотрела на зерно. Фон состоял из равномерных серебряных частиц. Фигура мужчины – из участков, будто взятых с других негативов и сведённых в 1 образ. У плеча зерно было крупным, у лица – почти гладким, на руках повторялся рисунок 3 разных эмульсий.

– Это наложение не изображений, – сказала она. – Наложение источников памяти. Если сравнить несколько оригиналов, можно увидеть, что повторяется.

Они установили пластины в 3 держателя и направили на них холодный свет. Анна не использовала увеличитель – только камеру с макрообъективом и полупрозрачные зеркала. При физическом совмещении изображения не совпали: углы съёмки различались. Но контур мужчины начал резче выделяться в тех участках, где чужие версии имели общее ядро.

Левая рука. Положение головы. Кассета с пластинами у груди. Знак на манжете.

- У него был реальный исходный образ, – сказала Анна.
- Не всё придумано.
- Михаил? – спросил Глеб.
- Возможно. Но школьный Михаил моложе. Здесь мужчине около 30.

Софья перевернула конверт. На обороте карандашом написано: «Вельский М. А. До распределения».

Вера, которую пригласили как владельца сильного якоря, стояла у стены. Она шагнула к столу.

– Мирон Андреевич.

– Вы помните отчество? – спросила Софья.

– Теперь да.

– Вчера не называли.

– Потому что не спрашивали.

– Мы спрашивали полное имя.

Вера сжала челюсть.

– Значит, забыла.

На 4-й пластине был крупный портрет. Анна открыла конверт, и Вера вскрикнула.

– Это не он.

Мужчина на снимке выглядел старше версии из её семейных фотографий. Широкое лицо, усталые глаза, короткие волосы, заметная складка у рта. Никакой романтической загадочности. Архивист, который плохо спал и не любил сниматься.

– Имя на карточке то же, – сказал Глеб.

– Карточка подделана.

– Возможно.

– Вы всегда так отвечаете?

– Когда не знаю – да.

Анна положила рядом семейную фотографию Веры. Контуры 2 мужчин не совпали, но левая рука была одинаковой: чуть согнутый мизинец после старой травмы. На обоих

снимках он держал предметы именно так.

– Есть ядро, – сказала Анна. – Но ваш брат – не точная копия этого человека.

– Он мог измениться.

– Вашему Мирону в 2009 году 19. Этому мужчине около 30 уже на пластине, которой больше 25 лет.

– Тогда это другой Мирон.

– Или ваша память о брате построена вокруг части его следа.

Вера отвернулась к окну.

– Вы хотите, чтобы я сама согласилась его убить.

– Нет.

– Тогда зачем показываете?

Анна подошла ближе, но оставила расстояние.

– Потому что вы имеете право знать, с чем решаете жить. Я сама слишком долго считала, что правда обязана облегчать. Не обязана.

– Красиво сказано.

– Ничего красивого.

Вера вытерла лицо рукавом.

– Я помню, как он учил меня кататься на велосипеде. Я сломала зуб. Он боялся сказать маме и купил мороженое, будто это могло помочь. Это тоже чьё-то чужое?

– Пока не знаю.

– А если да?

– Боль, любовь и то, кем вы стали рядом с воспоминанием,

всё равно ваши. Факты могут быть ложными. Пережитое – нет.

Глеб посмотрел на Анну. Она поняла: именно это станет центром спора, которого они пока избегали.

Софья нашла на пластине маленькую подпись. Она была почти стёрта, но под косым светом читалось: «Е. Орлова, контур 2».

– Она снимала? – спросила Анна.

– Или утверждала объект.

В Архиве подпись имела 5 уровней значения. На этой карточке стоял код, который Софья не узнала.

– Отнесём Орловой? – спросил Глеб.

– Сначала сделаем независимую копию описания, – ответила Софья. – Копию не изображения. След на цифровом файле нестабилен.

Анна закончила макросъёмку. На последнем кадре мужчины с архивной пластины смотрел прямо в объектив. На предыдущих взгляд был в сторону.

– Он видит нас? – прошептала Вера.

До вызова в «Светотень» Анна провела 2 часа с тестовыми наложениями. Взяла 4 изображения Мирона, сделанные разными людьми, и 4 контрольных снимка тех же мест без него. Работала только с оригиналами и под наблюдением Софьи.

При совмещении обычных деталей линии совпадали: окно, перила, фасад. Фигура Мирона не имела единого положения. Она всегда занимала эмоционально свободное место

– рядом с одиноким человеком, в пустом дверном проёме, на месте умершего родственника.

– Он не приклеен к пространству, – сказала Анна. – Он приклеен к функции.

– Формулировка для отчёта ужасна, – ответила Софья. – Но точна.

На снимке Веры фигура имела самый плотный контур. Анна попробовала отделить только происхождение без удаления. Увидела детскую кладовую, голос матери, желание старшего защитника. Затем чужая сцена перешла к ней: она вспомнила себя 8-летней в квартире Веры.

– Стоп, – сказала Софья и выключила увеличитель.

– Я не просила.

– Ты назвала чужой адрес своим.

Анна поняла, что действительно сказала: «У нас на 4-м этаже». Первый признак смещения.

– Правильно остановила.

Софья отметила время. Не использовала победное «я предупреждала».

После отдыха Анна попыталась описать собственное детство. 3 факта держались, 1 заменился: вместо реальной кухни в Краснодаре памяти появилась узкая невенская кладовая. Она вернула факт через фотографию матери и старую записку Никиты. Чужая сцена ушла, но оставила запах пыли.

– Новая функция дара дороже прежней, – сказала Софья.

– Прежняя тоже начиналась с мелочей.

– Тогда ты не знала правила. Сейчас знаешь и всё равно рискуешь.

– Потому что без этого мы не увидим происхождение.

– Знание правила не даёт право игнорировать цену.

Анна услышала в словах не Орлову, а союзника, который не собирается позволять ей стать героическим инструментом.

Они составили матрицу: совпадающее зерно – возможное ядро; двойной контур – заимствованная связь; отсутствие собственного зерна – искусственно созданная деталь; плотность у якоря – сила эмоции, не доказательство факта.

Глеб принёс еду и оставил у двери, не входя без приглашения. Анна позвала.

– Ты уже 2 раза спрашивал у Софьи, не потеряла ли я себя? – спросила она.

После проявления наложений Анна попросила проверить её шире списка фактов. Факты иногда оставались правильными, пока ощущение принадлежности уже менялось.

Софья разложила на столе 6 предметов: ключ от «Светотени», старую флешку Никиты, пуговицу с пальто Глеба, чужую заколку, пустой конверт и жетон Архива. Анна должна была назвать, что ей принадлежит, что знакомо и какие воспоминания вызывает.

Ключ она узнала сразу. Флешку – по царапине в форме дуги. Пуговицу помнила пришивающей к пальто Мирона, хотя видела, как Глеб потерял её на лестнице 3 недели назад.

– Факт? – спросила Софья.

– Пуговица Глеба. Чувство – будто я держала её в другой квартире.

– Не исправляй чувство объяснением. Запиши отдельно.

Заколка вызвала имя «Лена», которого Анна не знала. Конверт казался письмом от матери, хотя мать никогда не писала на такой бумаге. Жетон Архива не ощущался её вещью, но ладонь помнила его вес лучше ключа от собственной студии.

– Наложение добавляет биографии и перераспределяет знакомство, – сказала Анна.

– То есть можешь знать, что предмет чужой, и скучать по нему как по своему.

– Да.

Глеб наблюдал через стекло. По условиям проверки он не имел права подсказывать, какие предметы связаны с ним. Когда Анна закончила, он вошёл и показал фотографию пуговицы на пальто до потери. Она ощутила облегчение, но ложная сцена с Мироном не исчезла.

– Я хочу, чтобы ты сказал, где её потерял, – попросила она.

– На лестнице у тебя. Мы спорили о том, можно ли считать сон якорем.

– Я помню спор. Не помню пуговицу.

– Этого достаточно.

Раньше он попытался бы вернуть всю сцену. Теперь оставил пустоту пустотой.

Анна записала 2 столбца: «подтверждено» и «ощущается». Между ними провела линию, которую нельзя было стирать. Новая способность требовала видеть происхождение чужой памяти и выдерживать момент, когда происхождение известно, а чувство продолжает жить.

– Да.

– Почему не у меня?

– Боялся превратить вопрос в контроль.

– А обход через Софью не контроль?

– Похож. Прости.

– Спрашивай прямо. Я могу соврать из упрямства, но это будет моя ответственность.

– Ты помнишь, где мы впервые встретились после операции?

– В «Светотени». Ты пришёл как незнакомец.

– Что ели вчера?

– Пирожки, которым было 4 часа.

– Как зовут клиента с котом?

Анна не помнила. Это была профессиональная деталь, не личная. Нашла договор – Елена Бородина.

– Не считаю потерей себя, – сказала она.

– Согласен. Но отдых.

Она не возражала.

Через час на всех тестовых снимках появился один и тот же предмет: деревянная кассета. На крышке имя Анны и время. Объект проявлялся не из её желания – она думала о пе-

рерыве. Значит, процесс действовал самостоятельно или через другой источник.

– Изображение реагирует, – ответила Анна. – Это не обязательно сознание.

На экране фигура подняла кассету. На крышке появилось имя, которого раньше не было:

К вечеру смещение лиц усилилось. Анна смотрела на медсестру и на секунду видела Веру; в отражении чайника Глеб становился Никитой; собственные руки казались руками пожилой женщины с кольцом, которого не было.

Она назвала симптомы вслух до того, как смогла убедить себя, что справится.

Софья остановила работу по заранее согласованному критерию. Анна возразила только 1 раз.

– Я ещё различаю факты.

– Критерий – не полная потеря фактов. 3 ошибки в принадлежности лица.

– Это были секунды.

– В протоколе нет минимальной длительности.

Глеб стоял у двери и не вмешивался. Анну раздражало, что он соблюдает её же правило именно тогда, когда ей хотелось исключения.

Её отвели в тихую комнату. Не запирали, не забирали телефон. На столе лежала карточка с базовыми данными и 5 предметов-якорей, выбранных заранее: ключ студии, аудиозапись Никиты, собственная фотография пустого помеще-

ния, договор с Глебом и кусок ткани от старого фона.

Анна узнала все предметы, но ключ вызвал память о квартире Веры. Она положила его обратно.

– Не заставляйте выбирать правильную историю, – попросила она. – Просто спрашивайте.

Софья задавала короткие вопросы: где находится студия, кто дал ключ, какое событие подтверждено. Если Анна не знала, ответ записывали как пробел, не подсказывали.

Глеб вошёл только после её согласия.

– Я вижу твоё лицо как лицо Мирона, – сказала Анна.

Он остановился на расстоянии.

– Что поможет?

– Голос. Но говори о настоящем.

Глеб описал комнату: белая стена, 2 стула, стакан воды, 19:43. Не рассказывал общие воспоминания и не называл себя любимым человеком. Через несколько минут черты вернулись.

– Ты боялся? – спросила она.

– Да.

– Почему не вошёл раньше?

– Потому что страх не меняет твоё согласие.

Анна закрыла глаза. Чужие лица не исчезли полностью, зато перестали казаться истиной.

Ночью она не работала. Софья забрала оригиналы в хранилище при 2 свидетелях. Глеб остался в соседней комнате, но не рядом с кроватью. Никита прислал запись звуков сту-

дии – щелчок выключателя, шум сканера, скрип 3-й доски пола. Анна слушала и собирала пространство без изображений.

Утром она помнила 4 чужих детства и не могла восстановить цвет кухни родителей. Потеря оказалась реальной ценой, а не временной головной болью. Никита нашёл старое видео кухни и предложил посмотреть.

– Не сейчас, – сказала Анна. – Сначала хочу понять, что осталось без подсказки.

Она записала пустоту отдельной строкой. Способность развивалась, но каждый новый уровень требовал отказаться от идеи, что профессионализм позволяет использовать её без последствий.

«Анна Светлова».

Под ним – адрес «Светотени» и время: 23:17.

До указанного часа оставалось 9 минут.

Они приехали в студию за 6. Дверь была закрыта, сигнализация не срабатывала. Внутри ничего не пропало. На столе лежал кот заказчицы, дядя Боря и 1 новый снимок.

На фотографии Анна стояла посреди «Светотени» рядом с мужчиной. Она видела его лицо как лицо с архивной пластины. Глеб – как школьного Михаила. Вера – как брата.

Снимок был отпечатан на бумаге, которую Анна купила месяц назад. На обороте стояла завтрашняя дата.

Глава 8. Подпись до должности

Софья редко просила о личном разговоре. Обычно она либо сообщала факт, либо выдавала поручение в форме, настолько похожей на сообщение факта, что спорить становилось неудобно.

Утром она пришла в «Светотень» без папки и сказала:
– Мне нужно, чтобы вы посмотрели мой почерк.

Анна поставила чайник. Глеб уехал проверять городские базы, Вера ночевала у подруги, потому что лишняя дверь в её доме снова начала стучать. Студия впервые за сутки была почти тихой.

Софья положила на стол 2 документа. Первый – заявление о приёме на работу в Архив от 2009 года. Второй – протокол операции «Собор свидетелей», датированный 18 мая 1996 года. Под обоими стояла её подпись.

– В 1996-м мне было 8 лет, – сказала Софья. – Я жила в Костроме и считала архивом шкаф бабушки.

Подписи совпадали и внешне. Совпадали нажим, ускорение в последней букве, привычный разрыв между инициалами. Подделать можно форму, но моторные особенности требовали знания движения руки.

– Бумага старая? – спросила Анна.

– Да. Чернила соответствуют периоду. Спектральный анализ не показывает позднего внесения.

– Вы помните, как подписывали?

– Нет.

– Что чувствуете, когда смотрите?

Софья раздражённо поправила край листа.

– Ничего полезного.

– Это не допрос.

– Поэтому хуже.

Анна дождалась.

– Я чувствую, что подпись моя, – сказала Софья. – Не потому, что узнаю графику. Рука хочет повторить движение. И ещё я знаю, что перед подписью должна была проверить список носителей.

– Какой список?

– 813 человек.

– Вы читали число вчера.

– Я знала до того, как открыла папку.

Она произнесла это тихо. Для человека, построившего профессиональную жизнь на документах, сомнение в собственном знании было почти физической травмой.

Анна надела перчатки и осмотрела протокол. Текст напечатан на машинке. Некоторые слова подчистили лезвием и впечатали заново. В строке «ответственный за распределение» стояли инициалы С. Р. Рядом – подпись Софьи.

– Может быть, феномен использует вашу нынешнюю профессиональную идентичность, – сказала Анна. – Подставляет человека, который лучше всего соответствует роли храни-

теля документа.

– Тогда сколько моих решений действительно мои?

– Это не следует из 1 подписи.

– Я пришла в Архив после того, как в университетской библиотеке нашла коробку карточек без каталога. Помню ощущение, что всю жизнь искала именно такую работу. Если это было внедрено...

Она замолчала.

– Даже если импульс пришёл извне, – сказала Анна, – 18 лет работы не становятся чужими автоматически.

– Вы говорите как человек, который только что объяснял Вере, что ложное воспоминание может формировать настоящую жизнь.

– Потому что это правда.

– Удобная для всех, кроме тех, кому нужно установить факт.

Софья взяла чистый лист и расписалась. Сравнила.

– Я всегда считала, что документ либо подлинный, либо нет. Теперь подлинная моя подпись удостоверяет событие, в котором я не участвовала.

– Подлинность носителя не равна достоверности содержания.

– Я знаю это профессионально. Не знала лично.

Анна сфотографировала подписи с разрешения. При совмещении изображений вокруг старой подписи проступили тонкие линии, словно её собирали из почерков нескольких

сотрудников. Основа была Софьиной, но нажим в «Р» принадлежал другой руке.

– Это наложение, – сказала Анна. – Феномен не переместил вас в прошлое. Он использовал вашу подпись как подходящий якорь для роли.

– Какой роли?

На протоколе проявилась новая строка:

«Ремезова С. И. обеспечит повторное открытие фонда после разрушения печатей».

Софья побледнела.

– Это предсказание?

– Или инструкция, которая достраивается сейчас.

– Разница существенная.

– Поэтому не будем выполнять её автоматически.

Софья впервые за утро улыбнулась – коротко и зло.

– Вы учитесь.

– У кого-то надо.

Они решили проверить личное дело Софьи. В Архиве папка находилась на месте, но в анкете появилась новая строка: «Рекомендована М. Вельским». Дата – 2009 год, через 13 лет после операции и, по нескольким версиям, после смерти Мирона.

Рекомендация была написана тем же составным почерком, что письма Веры.

Внизу стоял знак 2 рам и номер 417.

– Он выбирал носителей, – сказала Софья. – Или система

выбирала людей, которые однажды смогут его вернуть.

– Вы думаете, ваша карьера была подготовкой?

– Думаю, я не знаю, где заканчивается мой выбор.

В отделе кадров обнаружился ещё 1 документ. Приказ о зачислении Софьи был утверждён Елизаветой Орловой, хотя официально Орлова в 2009 году не имела отношения к кадровой службе.

Они нашли её в нижнем хранилище. Орлова читала старую опись без перчаток, что для архивиста было почти демонстративным нарушением.

– Вы рекомендовали Софью? – спросила Анна.

– Я утверждала десятки переводов.

– В 2009 году.

– Возможно.

Софья положила перед ней протокол.

– А в 1996-м я подписала ваше решение. В 8 лет.

Орлова долго смотрела на подпись.

– Я помню другое имя.

– Чьё?

– Женщины, которая погибла в Доме свидетелей. Надежда Ремизова. Специалист по документам.

– Почти моя фамилия.

– Феномен не создаёт материал из пустоты. Он выбирает близкие формы.

– Вы знали, что я носитель?

Орлова закрыла опись.

– Я знала, что некоторые люди после операции проявляют профессиональные склонности, похожие на участников. Мы наблюдали, не вмешиваясь.

– Вы подписали мой приём.

– Потому что Архиву нужны были люди, устойчивые к изменению документов.

– То есть вмешались.

– Да.

Софья стояла неподвижно. Анна видела, как в ней борются желание ударить и привычка сначала собрать доказательства.

– Сколько моей жизни вы отслеживали?

– До 2014 года. Потом программа была закрыта.

– Почему?

– Потому что умер последний сотрудник, который помнил исходный протокол.

– Вы его помните.

– Частично.

– Удобно.

Орлова посмотрела на неё без защиты.

– Нет. Удобно было бы не помнить ничего.

Она достала из кармана ключ с биркой «ДС-1».

– Ваш ключ открывает 4-й вход. Мой – 1-й. Дом появится, когда соберутся минимум 4 роли: свидетель, хранитель, носитель и тот, кто способен проявить наложение.

– Кто свидетель? – спросила Анна.

– Пока не знаю.

– А хранитель?

Орлова посмотрела на Софью.

– Она.

– Вы всё это время ждали?

– Я надеялась, что дом не вернётся.

Софья взяла протокол и порвала пополам.

Бумага тут же восстановилась на столе.

Софья проверяла подпись методами, которые не зависели от магии. Сравнила наклон, давление, последовательность штрихов, привычное сокращение отчества. Подпись была её. Не похожая – выполненная теми же моторными особенностями.

Документ датировался 1996 годом. Софье было 8 лет. В Архив она пришла в 2011-м.

– Бумага подлинная? – спросила Анна.

Софья забрала невозможный документ домой, нарушив собственное правило не выносить нестабильные носители. В 23:10 вернулась в Архив и сама внесла нарушение в журнал.

– Хотела проверить, изменится ли подпись рядом с личными якорями, – сказала она.

– И? – спросила Анна.

– Изменилась я.

В квартире на столе лежало письмо её брата Арсения. Осенью Софья удержала его имя ценой признания старой вины. Теперь рядом с письмом документ по делу Мирона стал

выглядеть знакомым. Она вспомнила, как в 1996 году ставила подпись под описью, спорила с Орловой, носила серую форму. Софье тогда было 8 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.